

И Промысл Божий не обижает никого. Ольга Рожнёва

И Промысл Божий не обижает никого

В келье паломнической гостиницы Оптиной пустыни стояла тишина: все сёстры, кроме меня и Татьяны, трудились на послушаниях. У меня послушание было в храме с четырёх часов дня, а Таня приболела и от работы была временно освобождена. Она внимательно читала книгу про старца Паисия Святогорца и время от времени делилась со мной своими впечатлениями от этой замечательной книги.

Я печатала на ноутбуке очерк по заказу православного издательства и слушала её восторженные отзывы не очень внимательно. Нет, мне очень нравилась эта книга, просто я перечитывала её уже несколько раз и вроде бы хорошо запомнила всё, о чём там говорилось.

— Оль, смотри, как хорошо сказано: «И Господь имеет Промысл о каждом человеке. И Промысл Божий не обижает никого».

— Да...

— «Промысл Божий — это действие Божие, которое ставит человека в наилучшие условия с точки зрения его спасения».

— А эти слова я даже записала, чтобы запомнить...

— «Суть не в том, чтобы человек живой остался, а чтобы не умер без покаяния. Смерть сама по себе не есть зло — зло есть смерть во грехах»...

— А это вроде святого Иоанна Златоуста слова...

— Знаешь, Оль, я давно поняла, что и жизнь наша и смерть predeterminedены Господом... Не будет predeterminedения Божия о смерти человека — он нипочём не помрёт.

А вот это что-то новенькое... Такого я вроде бы в книге не читала... Перестая печатать и разворачиваюсь лицом к Татьяне. А она отложила книгу и задумчиво смотрит на меня.

— Тань, ты сказала «предeterminedения?»

— Ну да! Если Господь predeterminedил смерть человеку, Он отнимает Свою Божественную благодать, убирает защиту, и приходит смерть — человек умирает. Смерть может прийти в любом виде — несчастного случая, тяжёлой болезни, убийства...

Я вспоминаю строки из Псалтири: «Отымеши дух их, и исчезнут, и в персть свою возвратятся. Послеси Духа Твоего, и созиждутся...» — и согласно киваю головой. Потом задумываюсь:

— Подожди, Тань, а если человек решит с собой покончить — как быть с Божиим predeterminedением?

— Ну, если нет такого predeterminedения, то человек нипочём не умрёт.

— А если под поезд бросится или прыгнет с пятого этажа?!

— Ну так что ж, с пятого... моя сестра с седьмого выбросилась и жива осталась... Не было, видимо, воли Божией ей умирать — срок её ещё не пришёл...

— С седьмого?!

Я подсаживаюсь к Тане поближе, и она рассказывает мне о своей сестре и даже разрешает пересказать её историю, изменив имена.

Алёна, младшая сестра Татьяны, была невысокая, хрупкая, светловолосая. При виде её в памяти всплывала картина Васнецова — грустная

девочка у глубокой заводи. Таня характером пошла в отца, человека доброго, но властного, с сильным характером. А Алёна — в маму, спокойную, мягкую, кроткую.

Росла она скромной, домашней, любила шить, вязать. Рано научилась готовить, стряпать вкуснейшие пироги, торты, печенье и на все семейные праздники накрывала чудесный стол. Ещё она любила животных и мечтала стать ветеринаром. Мечта её не осуществилась: Алёна вышла замуж сразу после школы и по настоянию мужа, стала домохозяйкой.

Муж её, Сергей, работал руководителем крупной фирмы. Он был старше Алёны лет на десять, а выглядел ещё старше из-за постоянно сурового вида. Он чем-то напоминал строгого и властного отца Алёны, который умер, когда сёстры ещё учились в школе. Вот только доброты отца Татьяна в нём не замечала. Он ей как-то сразу не понравился. А вот Алёна влюбилась. Высокий брюнет, широкий в плечах — девушки на него засматривались. Сергей шёл по жизни уверенно, дела ладились, бизнес процветал.

Таня нечасто, но бывала в гостях у сестры. В основном она приглашала её в отсутствие мужа, так как тот гостей жены не признавал. Гостицами он считал только партнёров по бизнесу, к приходу которых Алёна должна была накрывать стол по всем правилам этикета. Гости обычно восхищались кулинарными талантами Алёны, делали пару комплиментов Сергею по поводу красоты и молодости жены, а затем забывали о ней до конца вечера.

Первые годы Алёна встречала Таню радостной, с удовольствием показывала собственноручно сшитые шторы и вышитые салфетки: ей нравилось украшать свой новый дом, встречать мужа вкусным ужином. Спустя несколько лет радости поубавилось. А потом Алёна заскучала. Ей, видимо, было одиноко. Детей муж не хотел, точнее, хотел, но позднее, лет через десять-пятнадцать. А пока, по его словам, супруги должны были «пожить для себя». Даже домашних животных муж заводить не разрешал: у него была аллергия на шерсть.

Жизнь «для себя» в их семье получалась такая: Сергей приходил домой поздно, он много работал, а после работы нужно было пойти на корпоративчик, или в сауну, или на боулинг. И в какое время бы он ни вернулся домой, жена должна была ждать его с готовым ужином и при полном параде.

По мнению Татьяны, на жену Сергей смотрел примерно так же, как на новую стиральную машину или суперпылесос — вещи красивые, удобные, полезные... О чём Таня и говорила с возмущением сестре при встрече. Но Алёна такие высказывания не поддерживала, мужа не критиковала и мягко переводила разговор на другую тему.

Вскоре ей стало не до скуки: у мужа заболела мать и Алёне пришлось взять на себя уход за ней. Мама родила Сергея поздно, была уже старым человеком и после того как, упав, сломала шейку бедра, самостоятельно передвигаться не могла. Каждый день Алёна ездила к больной женщине, а потом Сергей выгодно продал квартиру матери и перевёз её к себе. Сам он почти не заходил в её комнату, и Алёна одна ухаживала за его матерью: стирала, меняла памперсы, кормила и делала прочие необходимые дела.

Старушка была раздражительна, нетерпелива, она и в былые годы не отличалась особой покладистостью, а заболев, стала особенно привередлива. Могла бросить в невестку тарелкой, если обед ей не нравился. Или пнуть здоровой ногой, если была не в настроении. Алёна всё это сносила терпеливо. Теперь ей приходилось тяжело вдвойне: она по-прежнему должна была кормить мужа вкусными завтраками и ужинами, встречать его при полном параде, накрывать достойный стол для гостей, и при этом быть постоянной сиделкой у больного человека.

Таня жалела сестру: она и так всегда была тоненькой, а теперь и вовсе стала прозрачной. И очень грустной. Муж всё меньше обращал на неё внимания. Иногда он не приходил ночевать. Мог пропасть на несколько дней, а вернувшись, вёл себя как ни в чём не бывало. Татьяна возмущалась бесхарактерностью сестры. Она советовала ей принять какие-то меры и воздействовать на Сергея, но Алёна была слишком мягкой, слишком нерешительной и пасовала перед жёстким, властным характером мужа, продолжая подчиняться ему во всём. Видимо, она продолжала любить его.

Пролежав лет пять, свекровь умерла. В последнее время характер её смягчился, душа стала отзываться на доброту и терпение невестки, и перед смертью она даже целовала ей руки и просила прощения за все свои выходки.

Возраст Алёны перешагнул за тридцать, и теперь она очень надеялась, что муж разрешит ей родить ребёнка. Но Сергей думал иначе. Как-то вечером он посадил жену в машину, привёз её в однокомнатную квартиру на окраине Москвы и объяснил, что разводится с ней и теперь Алёна будет жить здесь. Он больше не любит её и собирается жениться на другой женщине, а она, Алёна, пусть благодарит его и за эту квартиру. Она и её не заслужила, потому что ни дня в своей жизни не работала, а просидела все эти годы на его шее.

Затем он захлопнул за собой обшарпанную дверь и ушёл в своё новое счастливое будущее. И Алёна долго сидела на пустой грязной кухне, где, кроме старой плиты и раковины, выдавшей лучшие времена, ничего не было. Время остановилось. И Алёна совсем не знала, что делать дальше. И будет ли это дальше вообще. В комнате стоял диван, и под утро она, не раздеваясь, заснула. Проснувшись, испугалась, что проспала и не успеет с завтраком. А потом поняла, что готовить этот завтрак больше некому. И жить ей, Алёне, тоже, наверное, больше незачем.

Она несколько раз ездила «домой», но дверь ей не открывали, замки сменили. А один раз открыли, но лучше бы этого не делали, потому что на пороге Алёна увидела высокую молодую девушку. Она была намного моложе Алёны, но вид у неё был очень уверенный. Она строго спросила:

— Сколько Вы ещё будете нам надоедать? Разве Вы не понимаете, что Вас больше не любят?! У Вас что — совсем нет чувства собственного достоинства? Пора бы уже и завести — в Вашем-то возрасте! Что? Какие вещи?! Ваши вещи?! Да какие там Ваши вещи — на помойке они!

Дверь захлопнулась перед носом Алёны. Она долго стояла у этой закрытой двери и никак не могла сообразить, что она должна делать дальше, а потом медленно побрела прочь. Дверь снова открыли, и высокая девушка вышла вслед Алёне, сунула ей в руку большой пакет и негромко сказала:

— Мне стыдно за Вас! Посмотрите на себя — Вы же похожи на побитую собаку! Как с Вами Сергей жил — я просто поражаюсь...

Девушка ушла. Она шагала широко и уверенно и держала себя тоже уверенно. И была полна чувства собственного достоинства. Алёна вяло подумала, что, наверное, такая девушка действительно больше подходит её бывшему мужу. А не она, Алёна, у которой нет ничего своего. Никакой своей жизни. И её больше не любят. А ещё — она похожа на побитую собаку. Какой мужчина согласится жить с женщиной, похожей на побитую собаку?!

Алёна заглянула в пакет: из него торчали скомканные салфетки, которые она когда-то старательно вышивала. Она вспомнила, как старалась передать красоту цветка на вышивке. И как красиво украшали эти салфетки их семейный стол. Медленно достала салфетки, аккуратно сложила их и оставила отчего-то на грязной осенней дорожке. Она шла по этой дорожке и плохо видела её: в глазах всё расплывалось. Шёл дождь, и Алёна не могла понять, дождинки на её щеках или слёзы. Она лизнула одну дождинку, и та оказалась солёной.

Новая жизнь Алёны не клеилась. Она нашла работу лифтёра, с людьми почти не общалась, только по службе. И ещё Алёна начала пить. Таня долго не замечала её пристрастия к спиртному. Это бывает у таких домашних, скромных женщин, как Алёна: их бытовое пьянство долго остаётся незаметным для окружающих. Алёна работала, а после смены пила одна на кухне, засыпала нередко сидя за столом, а затем снова шла на работу.

Таня приходила к сестре, но долго не могла понять, в чём дело. В первое время Алёна не пила в её присутствии, прятала бутылки. Татьяна только удивлялась запустению в квартире и тому, что всегда аккуратная сестра не пыталась эту квартиру отмыть, украсить, сделать уютной. Она всегда так любила вышивать, вязать, а сейчас нигде не было ни салфетки, ни коврика. Даже тюль Алёна не повесила на давно не крашенное кухонное окно, откуда с высоты седьмого этажа просматривался только пустырь.

К тому времени Татьяна пришла к Богу, воцерковилась. Она была крещёной, в детстве её окрестила верующая бабушка. А вот Алёна была некрещёной, так как к моменту её рождения бабушка уже лежала больная, а больше никому было позаботиться о крещении ребёнка.

Теперь Таня стала думать о том, как окрестить Алёну, но та никак не могла собраться в церковь. Глаза у младшей сестры стали совсем грустными, и вела она себя так, как будто жизнь для неё кончилась. И продолжает она жить только по необходимости, не ожидая уже ничего хорошего от будущего.

Когда Татьяна поняла, что сестра пьёт, то остановить её она уже не могла. Алёна пошла в отпуск, и у неё начался настоящий запой. На работу идти было не нужно, и она пила и засыпала, а проснувшись, пила опять. Как-то Татьяна приехала к сестре и услышала её жалобы на то, что в квартире развелось много пауков. Она, Алёна, уже и дихлофос купила, и с веником за ними гоняется, а их всё больше и больше.

Таня осмотрелась, пауков нигде не увидела, это показалось ей очень странным. Ей и в голову не могло прийти, что у сестры, тоненькой и хрупкой, очень быстро развился алкогольный психоз. Возможно, более крепкая женщина до такого состояния дошла бы только через несколько лет, но Алёна достигла его рекордно быстро.

Татьяна отобрала у сестры спиртное, которое та уже перестала от неё прятать, приготовила обед, уложила Алёну спать и ушла. А на следующий день состояние Алёны ухудшилось. Теперь сестра жаловалась, что пауки везде. И главное — появился среди них новый, самый большой, белый и противный, который лезет Алёне прямо на ноги, и стряхнуть его она никак не может. Ещё младшая сестра стала слышать за окном церковную музыку и пение, в котором чётко различалось: «Аллилуйя тебе, Алёна, аллилуйя!»

Таня, испугавшись, вызвала «Скорую», узнала, что у сестры её «белочка» — так называл медбрат белую горячку. Медики оказались людьми опытными, спорить с Алёной не стали, а, наоборот, пообещали главного паука отловить и на шприц посадить, для чего демонстративно достали большой шприц и пригрозили пауку. И Алёна охотно согласилась поехать с такими милыми и понимающими людьми, обещавшими прогнать нахальных пауков.

Алёну увезли в психиатрическую больницу. Алкогольный психоз сняли, а поскольку выглядела Алёна ещё вполне прилично и вида алкоголички приобрести просто не успела, то выписали её очень быстро.

Татьяна пришла навестить сестру, а та уже снова отмахивалась от белого жирного паука, который, по её словам, не давал ей никакого покоя. Таня уложила сестру на диван и пошла на кухню готовить обед, предварительно выбросив всё заново купленное Алёной спиртное. Когда она заканчивала варить суп, то услышала скрип балконной двери и почувствовала порыв холодного зимнего ветра. Таня пошла в комнату и, не увидев сестры, вышла на

открытый балкон. Сначала она искала Алёну на своём балконе и на балконе соседней. Ей и в голову не могло прийти, что смотреть нужно вниз. Потом она услышала крик: «Смотрите — женщина выбросилась из окна!»

Посмотрев вниз, почувствовала, что сейчас сердце остановится: далеко внизу, на снегу лежало тело её младшей сестры. Таня как во сне набрала номер и вызвала «Скорую помощь», потом медленно спустилась вниз. Возле Алёны стояло несколько человек, но никто не решался трогать её.

Татьяна села на снег рядом с сестрой и просидела, пока приехавшие медики не увезли Алёну в реанимацию. Ей повезло дважды: она упала в сугроб, и снег был не застывшей глыбой, а мягким, пушистым, свежесвыпавшим: как раз шли сильные снегопады. Тем не менее состояние Алёны было критическим, и врачи почти не оставляли ей шансов на жизнь.

Таня приняла решение окрестить сестру, она не хотела отпускать её в вечность некрещёной. Встал вопрос: как претворить это решение в жизнь? И тут, по словам Татьяны, всё получилось так, как будто ей помогли Ангелы. Заходит она в корпус реанимации и нос к носу сталкивается с бабушкой.

Оказывается, отец Роман приходил, чтобы причастить тяжелобольного человека. Бабушка внимательно выслушала Таню и сразу же направился в палату к её сестре, пообещав посмотреть, чем он сможет помочь. На тот момент Алёна так и продолжала оставаться в коме.

Через некоторое время бабушка вышел, и на лице его, хоть и радостном, проскальзывало сильное недоумение или, как выразилась Татьяна, «ошарашенность». При входе священника в палату Алёна открыла глаза, и в её взгляде проявилась разумность. Это уже удивительно, так как врачи видели её только в роли домашнего растения, и не более того. Одна её медицинская карта была сравнима по толщине с романом «Война и мир».

Отец Роман окрестил Алёну, предварительно разузнав, раскаивается ли она в содеянном. И после крещения Алёна пошла на поправку. Шла на поправку она с удивительной скоростью. Разговаривать пока не могла, так как была подключена к аппарату искусственного дыхания, но при виде сестры жестикулировала вполне активно. Через некоторое время трубку вынули, и она начала хоть и с трудом, но говорить, чем доставляла небывалую радость Тане и всему медперсоналу, не ожидавшему от неё после такого падения вообще каких-либо проявлений умственной деятельности.

А Алёна продолжала удивлять: будучи человеком стеснительным, она, начав говорить, стала отказываться от судна и проситься в туалет, который, по её словам, находится по коридору налево и там постоянно курят сестрички. Откуда она это узнала, загадка, ведь привезли её в бессознательном состоянии, крепко привязали к кровати, и на тот момент её никто ещё не отвязывал. Также она могла рассказать, где находятся ординаторская и пост дежурной медсестры, хотя до этого в реанимации никогда не лежала и знать этого расположения никак не могла.

Татьяна знала, что часто жизнь людей, принявших крещение в зрелом возрасте, резко меняется. Как будто они получают в жизни второй шанс.

— Понимаешь, Оль, я видела на примере собственной сестры, как сюжетная линия её судьбы полностью меняется и начинает вести её к свету из тьмы. Наверное, звучит высокопарно, но... Ты меня понимаешь?

— Понимаю, Танечка... Только вместо «сюжетной линии судьбы», наверное, будет правильно сказать: Господь Бог?

— Ну да! Я ж тебе и начала рассказывать о Промысле Божиим в жизни человека!

Алёна вышла из больницы, отлежав довольно долго сначала в реанимации, а потом в травматологии. Но вышла, можно сказать, своими ногами, правда, с палочкой, прихрамывая. (От палочки она отказалась

примерно через полгода.) Глаза её ожили, и в них появилась радость жизни. Они не спеша шли с Татьяной по весенней тропинке, и Алёна ежеминутно останавливалась, чтобы полюбоваться весенней травкой, жёлтыми весенними цветочками мать-и-мачехи, букашками в траве, чтобы послушать весёлый щебет птичек.

Таня сделала ремонт в квартире сестры, и теперь там было вполне сносно. Она очень боялась, что когда придёт к Алёне в следующий раз, то снова обнаружит у неё спиртное. Но этого больше не произошло. При очередном визите она увидела, что на кухне и в комнате сестры появились самодельные горшочки с цветами, а на столе стоял букет полевых цветов. Таня смотрела на этот простенький букет, и ей хотелось плакать: он означал, что прежняя Алёна, та, которую она знала в детстве и юности, — вернулась.

Также Алёна стала вместе с Татьяной постоянной прихожанкой храма иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Видимо, после пережитой клинической смерти неверующим человеком оставаться трудно...

Нашла себе Алёна и новую работу. Она стала помогать волонтерам в собачьем приюте, который находился рядом с домом, на пустыре. А потом, окрепнув, сама стала волонтером. Она заботилась о собаках, об их здоровье, о прививках, брала на передержку, искала кураторов. Когда Таня навещала сестру, та уже не грустила. Да и грустить ей было некогда.

Она объясняла Татьяне, что передержка — это временный приют, когда берут домой щенка, больную собачку или здоровую, но совершенно домашнюю, которой будет тяжело в клетке приюта, — в общем, по разным причинам. А куратором называют человека, который опекает животное и морально отвечает за все — лечение, передержку, подбор новых хозяев. Также Татьяна постоянно встречала у сестры очередного Бобика или Тузика, спасённого от неминуемой гибели.

У Алёны появились друзья-волонтеры, и Тане при знакомстве они понравились и показались людьми сильными, добрыми, открытыми. Ещё у Алёны теперь была своя собака. Пёс, который попал под поезд, нашли его около депо. Много людей проходило мимо на работу утром и вечером, но никто не оказал собаке реальной помощи. Наиболее жалостливые кидали еду умирающему псу, но он не ел. Волонтерам сообщили, что у собаки «порезана лапа и торчит кость», но сделать они сами ничего не могут. На деле оказалось, что часть лапы была просто оторвана. Когда Алёна с ребятами приехали за пёсиком, он умирал. Лапу ампутировали выше локтя, пёсика вывели, и Алёна оставила его себе.

Выздоровевший пёс был назван Рексом и оказался умным и красивым, вот только передвигался он сильно хромя. В хозяйке Рекс души не чаял. Татьяна спросила, почему Алёна не оставила себе здоровую собаку. И сестра ответила, что для здоровой собаки хозяина найти легко, а пёс-инвалид никому не нужен.

Алёна спасла Рекса, а пёсик познакомил хозяйку с Алексеем, владельцем красавицы-спаниеля Глори. Алексей работал ветеринаром в частной клинике. Он заинтересовался хромотой Рекса, а узнав о его чудесном спасении, предложил Алёне свои бесплатные консультации ветеринара. Консультации эти, по мнению Татьяны, происходили подозрительно часто. И интуиция её не подвела: дело закончилось свадьбой и венчанием. Но это уже совсем другая, счастливая история.

Поездка к отцу

Стучали колёса, полупустой вагон ходил ходуном, от жёлтых деревянных скамеек веяло холодом и неуютом. В окнах мелькали короткие одинаковые станции, печальные в своём одиночестве, на них никогда не останавливались поезда, и большая часть электричек тоже проносилась мимо: «Электропоезд следует без остановок». Полустанки с покосившимися заборами и тоскливыми дворнягами. Одинокие старухи на завалинке, будто окаменевшие в своей неподвижности. «Как в моей жизни, — подумалось Зинке, — мимо меня тоже проносится счастье и радость...»

По мутному окну электрички стекали капли апрельского затяжного дождя, весна пришла, но пока не радовала, скрывшись в серой слякоти и ветреной непогоде.

Зинка сидела у окна, маленькая, сжавшись в комочек. В свои шестнадцать она выглядела года на три младше: невысокая, худенькая, плохо одетая. Глаза у Зинки красивые — зеленоватые, выразительные, умные. Волосы светлые, густые. Только и хорошего. А остальное, как мать говорила, «ни кожи, ни рожи».

Видавшие виды сапоги валялись под лавкой, а ноги в старых шерстяных носках, подарке тёти Маруси, она поджала под себя — так было теплее. Соседние лавки пустовали, только в конце вагона дремала старушка, а на последней скамейке играли в карты трое железнодорожников. В животе у Зинки холодил тянущий липучий страх: что ждёт её в конце этой поездки? Может, лучше было остаться дома? Как она оказалась в этой полупустой электричке?

Вообще-то, к месту, где она жила, слово «дом» не очень подходило. Дом — это там, где тебя любят и ждут, где уют и семья. А там, где сейчас жила Зинка, ничего этого не было и в помине. Был ли у неё дом? Может, когда она жила с бабой Верой?

Она тогда ещё была маленькая, но, наверное, жизнь с бабой Верой — это лучшее, что можно вспомнить из её короткой прошлой жизни. Баба Вера — худая и строгая, никогда не ласкала внучку, не гладила по голове, не целовала на ночь. Любила ли она Зинку?

По крайней мере — не обижала. Учила читать молитву перед едой, целовать перед сном маленький розовый крестик. Учила мыть полы и посуду, стирать бельё. Баба Вера была чистюлей и любила, чтобы в доме царил порядок: все старенькие, но чистые простыни и пододеяльники имели вышитые метки, чтобы не перепутать, каким концом к ногам, а каким к голове. Учила не болтать ногами, когда ешь, — грех.

А ласкать — никогда не ласкала. Так они и жили друг возле друга, каждый своей жизнью, и Зинка воспринимала эту жизнь как единственно возможную, потому что другой просто не знала.

Домик стоял на окраине маленького города, и Зинка любила играть в палисаднике. Там было много интересного: на траве можно постелить старое покрывало и построить дом, а заросли кустарников скрывали тебя так, как будто ты оказывался в шалаше. Сделать из старых баночек и коробочек посудку, а из стёклышка и разноцветной обёртки — секрет, тайничок такой. Чуть раскопаешь потом землю, а там, под стеклом, — красота!

Прилетали птицы, самые разные, а иногда аисты — красивые и большие. Семенило семейство ёжиков. Зинка их тайком от бабушки подкармливала. Лохматый Дружок был верным другом и молчаливым хранителем всех секретов и приключений. С ним семилетняя Зинка спускалась к маленькой узкой речушке за огородом, раздевалась до трусиков, осторожно ступала в воду. Вода сначала обжигала, а потом — как хорошо плескаться у берега, устав, согреться на песке и, натянув платье, бежать по тропке назад, к дому. Дружок,

вылезая из воды, тряс большой головой, смешно отряхивался, и брызги летели на Зинку. А там уже слышался крик бабы Веры:

— Куда опять пропали, непутёвые?! Поливаться надо, а она, на-тебе, прохлаждается!

И Зинка брала в руки небольшую лейку.

Кроме речки было ещё много интересного: недалеко от дома — целые россыпи камней, маленьких и побольше. А среди маленьких есть такие, на которых золотой бочок. Встречаются и совсем золотые, красивые, прямо драгоценные камни!

— Зинка, иди домой! Опять этот ребёнок там клад раскапывает... Прямо геолог какой-то, а не девка, всё в камнях копается, — жаловалась баба Вера соседке.

А потом всё закончилось, и ещё много лет тосковала Зинка по Дружку и ёжикам, шалашу под кустарниками и тихой речушке. Бабу Веру она тоже больше никогда не увидела, померла баба Вера года через два после того, как мать увезла Зинку.

Случилось всё под вечер, когда Зинка наполивалась в огороде и предвкушала купание в речке, а лохматый Дружок уже нетерпеливо поглядывал на неё, ожидая команды. Баба Вера позвала в дом, на кухне подвела к умывальнику и больно умыла шершавыми ладонями лицо. Вытерла полотенцем, осмотрела сердито и сердито же скомандовала:

— Иди вон в комнату! Приехали за тобой! Мать твоя приехала!

Зинка робко вошла и увидела черноволосую женщину с огромным животом и толстого дядьку. Женщина смотрела на неё пристально, но неприветливо, а дядька смотрел в сторону так, как будто ему не было никакого дела до Зинки и знакомиться с ней он совсем не собирался.

Женщина, которая мать, раздражённо сказала бабе Вере:

— Чего она у тебя такая грязнуля? А белобрысая какая... Ровно и не моя дочь... Ну, здравствуй, Зина! Ты теперь будешь жить с нами. Я твоя мать, будешь теперь меня слушаться!

Зинка не знала эту женщину, а может, не помнила. Она почувствовала страх и, развернувшись, побежала из комнаты, но баба Вера оказалась ловчее, схватила в охапку и не отпустила. А мать проворчала:

— Так и знала, что она у тебя тут дикаркой вырастет. Как зверёныш какой... Ни обнять родную мать, ни поцеловать...

Она подошла, взяла Зинку за подбородок и потребовала:

— Скажи: здравствуйте, мама Катя и папа Петя!

Зинка сильно смутилась. Ей было очень неприятно прикосновение этой женщины. И потом, её мама — баба Вера, а совсем не эта тётка. Она мотнула головой, но цепкие пальцы крепко держали за подбородок. Тогда Зинка неожиданно для себя самой показала язык и, крутанувшись, сбежала.

Прощаясь с Зинкой, баба Вера первый раз в жизни обняла её и прижала к себе, и Зинка тоже обняла бабу Веру и прикоснулась губами к её щеке, щёка была холодной и солёной:

— Сиротинка моя... В няньки тебя забирают... Ох, горемычная ты моя, злосчастное дитё...

Её действительно забрали в няньки. Мать, сойдясь с отчимом, родила от него двух детей подряд — Сашку и Таньку. К ним мать относилась как к родным, хоть и била их частенько, особенно в подпитии. А вот Зинка так и не стала родной, хоть и сизмальства обихаживала весь дом: нянчилась с младенцами, стирала, прибиралась.

Она любила Сашку и Таньку, мыла их розовые попки, агукала, таскала за собой на закорках. Росли погодки быстро, и видно становилось, что они совсем разные. Сашка рос простоватым, Зинку любил как мать и долго звал няней. Но,

становясь старше, всё меньше нуждался в ней и рвался во двор к своим мальчишеским играм. А черноволосая Танька росла капризной, не по годам хитрой. Рано научилась обманывать мать, пользоваться Зинкиной заботой, а потом наговаривать матери на неё, отводя от себя гнев и побои и, видимо, даже развлекаясь этим.

Мать смотрела на старшую недоверчиво, как на чужую, и несколько раз, напившись, жалобно говорила Зинке:

— Ты, белобрысая, ровно и не моя совсем... Вся в отца своего... Я тебя и рожать-то не хотела... Ты, Зинка, — ошибка моей молодости, понимаешь ты меня или нет, морда белобрысая?! У меня такой парень наклёвывался, а из-за тебя всё прахом пошло... Лучше б я аборт сделала, атомную бомбу на твою башку глупую!

— А где мой отец?

— Где-где... Урод твой отец! В тюрьме сидит! Не будешь слушаться — я и тебя к нему отправлю!

Зинка не верила, что отец в тюрьме. А хоть и в тюрьме... может, его уже выпустили... может, он полюбил бы Зинку... Всё-таки она ему дочь родная...

Зинка знала теперь, что она — Фёдоровна, и фамилия у неё — отцовская, а зовут её отца Фёдор Иванович Ванечкин. И он даже платит на неё алименты. И поселилась в сердце у неё мечта — разыскать отца. Но где искать его? Куда ехать?

Отчим же почти не замечал её, лишь иногда она удостаивалась пинка или тычка. Мать же была часто, напиваясь, она зверела, глаза делались пустыми, невидящими, бросалась с кулаками на Сашку и Таньку. Зинка защищала их, и ей попадало больше всех. И была её Катерина не так, как младших, а всерьёз. Несколько раз Зинку отнимали соседки, иначе мать могла забить до смерти. Потом Катерине пригрозили лишением родительских прав, и она немного утихла, была с оглядкой, так, чтобы соседи не слышали.

Долго не могла Зинка отвыкнуть читать молитву перед едой и перед сном, делала это молча, чтобы над ней не смеялись. Потом отвыкла. Да и крестика на ней больше не было, мать сорвала его в первые же дни в общественной бане. Приговаривая, что дочь её только позорит, Катерина выкинула крестик в сточный желобок, и Зинке было очень жалко смотреть, как уплывал, смываемый грязной водой, её розовый пластмассовый крестик. В доме бабы Веры она не слышала ругани, а здесь матерились забористо, громко, когда сердились и когда радовались, открывая бутылку с водкой.

И Зинка часто вспоминала прошлое, ей вспоминалась жизнь у бабы Веры — зелёной и жёлтой-голубой, цвета зелени в палисаднике и жёлтого песка у голубой речушки. А жизнь её теперешняя казалась ей чёрно-серой, таким сплошным чёрно-серым пятном, грязными серыми обоями и чёрными тараканами, кишевшими на кухне. Городок шахтёрский тоже был серо-чёрным, почти без зелени, грязным и злым. В очередях ругались матом, и, когда цепляли Зинку, она по-взрослому материлась в ответ.

Зинка училась в школе, но там ей не очень нравилось. Её дразнили, потому что одета хуже других, потому что просит учебники у соседки, дразнили за имя. Высокая, всегда нарядная первая красавица класса Таня как-то сказала громко:

— А у моей бабушки в деревне поросёнка Зинкой зовут. И ты, Зинка, наш классный поросёнок.

В классе восьмом дразнить поросёнком перестали: то ли ребята стали взрослее, то ли сама Зинка, серьёзная и ответственная не по годам, стала внушать к себе уважение. Привыкнув управляться с Танькой и Сашкой, выживать рядом с запойными родителями, она могла ловко организовать субботник или генеральную уборку класса, работала быстро и сноровисто,

брала на себя то, что потруднее. И одноклассники привыкли, что не ходит Зинка на дискотеки и школьные вечера, потому что нарядов у неё никаких нет и танцевать она не умеет.

Училась она неровно: часто уроки готовить было некогда или невозможно из-за отсутствия учебников, которые мать отказывалась приобретать. Но на четвёрки тянула. Дружила с Надькой из соседнего подъезда, доброй, круглолицей девчонкой. Особенно дружить времени не было, но иногда, по выходным они играли, чаще всего в геологов, на пустыре за домом. Игру придумала Зинка. Искали полезные ископаемые, и Зинка часто находила на самом деле полезные вещи: рюкзак, совсем целый, хоть и поношенный, зайца плюшевого для Сашки, с надорванным ухом, но вполне приличного, и так далее.

Приходила домой, мыла полы, готовила суп. Чаще всего борщ или щи из стеклянной банки. Когда успевала, таскала деньги у пьяных Катерины и Петьки, если не успевала — сдавала бутылки. На рынке покупала картошку. Часто денег на картошку не хватало, но Зинке всегда продавали, видимо, жалели. И Зинка варила полную большую кастрюлю борща. Ничего, что жидкий, зато много! Сашка с Танькой придут из садика, а позднее из школы — а дома чисто и полная кастрюля борща! И даже хлеб есть!

В соседнем магазине под названием «Юбилейный» работала Надькина мать, тётя Маруся. И Зинка часто думала о том, как ей повезло с Надькой и с тётей Марусей: она всегда усаживала за стол подружку дочери, кормила жареной картошкой, а в магазине всегда принимала у неё пустые бутылки, даже когда приёма стеклотары не было.

— Дак не принимаем бутылки, Зин!

Посмотрит-посмотрит, да и примет...

В выходные придёт Зинка, поскребётся в дверь:

— Тётъ Марушь, отпусти Надю погулять!

— Дак рано ещё, Зин! Дак ещё не ели! Садись, поешь с нами!

Слёзы наворачивались от такого доброго отношения:

— Что вы, тёть Марушь, я уже поела...

А её и не спрашивали, сажали за стол, давали ложку, целую тарелку вкуснейшей горячей жареной картошки с укропчиком и полный стакан холодного молока.

«Повезло мне, — думала Зинка, — ох и повезло!»

Ещё Зинка любила книжки читать, когда дома никого не было или спрятавшись в сарае. Брала книжки у тёти Маруси или в школьной библиотеке. Но книжек там было немного, и скоро она все их перечитала.

Любимыми книгами стали книги про геологов, писателя Олега Куваева. Он сам был геологом и хорошо знал, о чём пишет. Это вам не какая-нибудь фантастика! Фантастику Зинка не очень любила. Подумаешь, ужасы, пришельцы... У неё дома каждый день ужасы... А вот про геологов — это да! Это, я вам скажу, — вещь!

Читая, Зинка представляла себя там, среди этих сильных и смелых людей: вот они идут по тайге, и она, Зинка, не отстаёт. Тоже ищет камни драгоценные, породы всякие полезные. А следом — Дружок лохматый. С ним рядом и медведь не страшен! А вокруг — зелень и чистый воздух, синева горных рек, грибы, ягоды! Красотища! И никто матом не ругается... А потом она находит залежи полезных ископаемых, и все понимают, что бывший «поросёнок» Зинка на самом деле — смелая и находчивая. И с ней стоит дружить. И она заслуживает даже, чтобы её кто-нибудь любил. Ну хоть кто-то...

Один раз Зинка припрятала деньги и, замирая от страха, истратила их на две толстые книги в книжном магазине.

Но насладиться ими не успела: мать удивилась, что тощий Зинкин портфель внезапно разбух, а проверив его, книжки унесла назад в книжный

магазин, причитая, что деньги на них дочь украла у родной матери. Потом жестоко избивала Зинку и заставила стоять на коленях в углу, подняв вверх руки. Зинка не стала просить прощения, как она обычно делала, и тихонько сомлела, так, что Катерина даже испугалась и, обрызгав водой, перенесла дочь на кровать.

Когда Зинке исполнилось шестнадцать, мать стала выгонять её из дому. Как нянька она была уже не нужна и, по понятиям Катерины, могла сама зарабатывать себе на жизнь. Тем более что алименты от Ванечкина приходят уже год как перестали. И смысла кормить лишней рот больше никакого не было. Катерина и сама ушла из дому в шестнадцать лет, не оглянувшись на строгую и вечно занятую в трудах мать, которая растила её без отца.

Катерина загуляла со взрослым мужиком и уехала с ним, о матери почти и не вспоминала. Бросил он девчонку быстро, наигравшись её молодостью. Был ещё один шанс, да упустила его Катерина, спуталась с Ванечкиным, пастухом убогим, сдуру забеременела. Вспомнила про мать, когда нужно было куда-то деть крошечную Зинку, матери и увезла, а потом забрала.

Катерина втайне гордилась собой: не сделала аборт, родила, вырастила! Пора и честь знать! Тем более что — сколько волка не корми... Благодарна разве ей Зинка за всё доброе? За то, что жизнь ей дала?! Другая ноги бы матери целовала! Как бы не так... Вон исподлобья смотрит, как волчонок... Не нравится, что пьём, — так все пьют... Какая ещё радость в жизни этой беспросветной?! И под заборами не валяемся... И дети все живы-здоровы... С голоду чай не померли... До шестнадцати лет доростила — хватит! Вон двоих младших огрызков ещё кормить надо!

У Катерины была своя правда, и правда эта таилась далеко-далеко, в туманном зыбком прошлом — в смутных воспоминаниях детства: баба Вера, суженый которой погиб, сгинул на фронтах Великой Отечественной, родила поздно, от залётного ухажёра. Работала как каторжная. Приласкать дочку сил не оставалось, да и давила горькая участь матери-одиночки, по ночам рыдавшей в подушку. Правда Катерины таилась там, в маленькой комнате, где ползала она в тупом одиночестве, привязанная за ногу к тяжёлому старинному столу, пока мать днями напролёт ишачила за палочки-трудодни в тетрадке колхозного учётика.

Чего-то, видимо, не получила Катерина в детстве, когда измученная баба Вера чуть не ползком добиралась до дома, отвязывала дочь, и сил материнских хватало лишь — накормить, обстирать да искупать. Все мы родом из детства, может, и пустые невидящие глаза пьяной Катерины смотрели в прошлое и видели там пустые глаза одинокого ребёнка, уставшего ползать у стола и тупо мычать в темноту?

Это называется травмой поколений, но какое дело было Катерине до неумолимой статистики искалеченных войной и политикой судеб? Психологи назвали бы, пожалуй, поведение запойной Катерины деструктивным и суицидальным. Со знанием дела и диагноза психиатры отметили бы плохо развитую эмпатию у ребёнка, недополучившего внимания и любви в раннем детстве, нарушение развития интеллекта и эмоциональной сферы в условиях депривации, но что могло изменить это знание в её жизни, в тупой тоске, тяжёлом унынии, которое уходило лишь от водки, да и то ненадолго?

Своя правда была и у бабы Веры, родилась которая в огромной патриархальной семье, где родителей называли на «вы», детей не ласкали, воспитывали в строгости и благочестии. Но дети в этой огромной семье росли окружённые добрым миром своих многочисленных сестёр и братьев, бабушек и дедушек, невесток и зятьёв, отца и матери. Они и без ласки чувствовали тепло и защищённость семьи, родительское гнездо, где безопасность и сила, а в красном углу, перед иконами — всегда горит лампадка.

И это родовое гнездо было безжалостно разрушено: кулаки уничтожались как класс, а семья бабы Веры хоть и не использовала наёмный труд, но считалась зажиточной: имела на шестнадцать человек двух коров, семерых коз и козлят, лошадку и полный двор кур, гусей, уток. Вся семья сгнула навеки, и следов не разглядеть в ожидаемой заре коммунизма. Уцелела одна баба Вера, которую спасла, приютила одинокая солдатка-крёстная.

Баба Вера воспитывала дочь одна, растила так, как когда-то растили её саму, не осознавая, что не хватает ребёнку любви, а строгость и благочестие не могут эту любовь заменить. Да и от веры, крепкой веры в Бога и обычая во всех делах жизненных на Него полагаться и уповать, молиться и знать силу молитвы, хоть и редко, пару раз в год, но как закон жизни — исповедаться и причащаться, от всего этого наследства у бабы Веры в памяти остались только несколько правил: носить крестик, молиться перед едой и перед сном — вот, пожалуй, и всё. Да и то слава Богу! Вытраивалась вера из душ, выжигалась, рушилась вместе с разрушенными храмами. На кого уповать? В ком опору искать? Где взять силы человечку маленькому? И в бабе Vere силы душевные чуть теплились. Вот такая правда была у них всех...

Да, хлебнула горя баба Вера, и жизнь её была подобна сломанному деревцу: ещё живое, зелёное, а соки от корней не поступают в ветви. Катерина — веточка этого деревца — совсем засохла, и душа её омертвела почти. Но бывает, смотришь, стоит мёртвое, засохшее деревце, подойдёшь ближе, а там пробиваются побеги молодые, зелень нежная тянется изо всех сил к солнышку, корни живы и питают и дают жизнь. На такой побег была похожа Зинка. Вырастет, расправит ли веточки, станет ли деревцем, молодой порослью на выжженной земле — или не хватит сил, завянет, засохнет?

Она пыталась найти работу, хоть какую-нибудь, но взглянув на неё, худенькую, маленькую, брать отказывались. Мать сердилась: это не тебя не берут, ты сама работать не хочешь, дармоедка! Вот поживёшь на своих хлебах, враз работу найдёшь!

Зинка хотела доучиться, а потом поступить в институт, на геолога. Но стало уже понятно, что школу окончить не получится: мать отдала её прошлогоднюю форму вытянувшейся, долговязой Таньке, и в школу пойти теперь было не в чем. Да и не даст мать учиться, раз погнала из дому.

Зинка решила ехать к отцу. К поездке готовилась тайно, задолго. Уже пару лет она хранила адрес отца, на стёртой квитанции о денежном переводе от Ванечкина Ф.И. Потихоньку копила деньги, оставляя сдачу. Накопила триста рублей. Тётя Маруся знала, куда Зинка едет, дала ей пятьсот рублей — пять сторублёвок (специально так: одну потеряет или украдут — ещё четыре останется), обняла, прижала к себе:

— Ты уж не пропади только, Зиночка! Слышь? А не найдёшь папку-то, дак возвращайся назад! Мы чего-нибудь придумаем... В комиссию пойдём по делам несовершеннолетних... Или к классной вашей, Наиле Махмутовне, может, она чё-нито придумает... А то... может, с нами поживёшь... Тесно? Дак чё... С Надькой вон на одном диване спать будете... Ну съезди, съезди, раз надумала, всё равно не успокоишься... может, и встретит тебя отец с радостью... Храни Господь тебя, деточка!

Ночью не спалось, сердечко билось часто: что ждёт там, за поворотом судьбы? Зинка лежала с открытыми глазами и думала разные думы. Громко храпел Пётр, Катерина не отставала от него, посапывали Сашка с Танькой, а Зинка всё не спала, тарасилась в тёмное окно: «Вот если родится человек счастливым, так и дальше счастлив, а вот бывает: родится несчастный, так и нет ему счастья во всей его жизни... Вот я... Никто не любит меня... Сашка с Танькой выросли и почти не нуждаются во мне. Зачем я живу?» — думала

Зинка, а потом не заметила, как уснула. Уснула крепко, и проснулась, будто подтолкнул кто под локоть.

В грязном окне брезжил серый тусклый рассвет, и Зинка подхватилась, спрыгнула с кровати, на цыпочках прокралась к двери.

Достала из-под шкафа спрятанный, заранее собранный рюкзак, тихонько выскользнула в прихожую, накинула шаль и пальтишко. Кровать тяжело за скрипела, раздался громкий мат. Выскочила Катерина, оглядела застывшую Зинку, схватила шаль, потащила с головы, сорвала вместе с прядью волос, кинула вместо шали старый платок:

— Ишь! Шаль ей подавай! А ты её заработала — шаль-то?! Вот поработай-ка — узнаешь, как кусок хлеба достаётся!

Зинка скривилась от боли, вылетела на лестничную площадку, постояла на улице, глядя на свой дом: загорались окна, народ просыпался на работу, шумели чайники, текла вода в кранах, кто-то пил ароматный кофе, прощался до вечера и целовал на прощанье. Дом жил своей жизнью, а она, Зинка, больше ему не принадлежала. В животе заурчало, и Зинка представила, как там, на кухнях её дома, пьют горячий сладкий чай и едят бутерброды: большой такой кусок батона, а сверху масло или вот ещё — кусок ржаного хлеба и рядом — горячая сосиска! Она сглотнула слюну и покосилась на окна Надьки.

Небось тётя Маруся уже проснулась, картошку, небось, чистит. Зинка представила большую сковородку, полную поджаристой горячей картошки, и стакан холодного молока — и засомневалась: может, не ехать никуда? Пойти к тёте Марусе и сказать: «Я согласна пожить у вас! Буду вам полы мыть и бельё стирать! Борщ варить! Десятый класс закончу, а там уже с Надей в институт поступим, в общежитие переедем... Можно на вечернее или заочное отделение поступить, тогда и работать сможем! Сами вам тогда помогать будем с зарплаты!»

Зинка представила себе однокомнатную квартиру подружки: кровать тёти Маруси и её больного мужа-сердечника дяди Вити в углу, маленький диванчик Надьки за шифоньером... Нет, нельзя к Надьке... Дядя Витя — инвалид, тётя Маруся одна семью тянет, а сколько там зарплата у неё... Картошку и жарят без конца... Заведующая толстая себе наворует, а тётя Маруся отдувайся — все шишки на продавца. А тётя Маруся — она добрая, жалко ей людей обманывать. Нет, к Надьке нельзя...

Да и решила ведь она отца найти. Спросить, почему он бросил её. Знал ведь, что дочка растёт, раз алименты посылал и на свою фамилию записал. Может, увидит её папка — и полюбит? Ведь она на него похожа, так мать всегда говорила! А если не полюбит? Куда тогда?

Зинка тряхнула головой, отгоняя печальные мысли, и пошла на вокзал. Вокзал небольшой, грязный, дышал холодом и сыростью. Из окошка кассы шло тепло, горел яркий свет, и Зинка протянула деньги, сказала уверенно:

— Один билет на электричку до Макеевки, пожалуйста.

Взяла сдачу и пошла в закуток, в привокзальную забегаловку, на запах беяшей, купила один горячий смятый беляш и стакан мутного кофе, съела жадно, и внутри потеплело, Зинка согрелась. Вышла на перрон, электричка уже стояла — пустая, холодная. Зинка села в первый вагон, скинула сапоги, поджала ноги под себя, так было теплее. Вагон дрогнул, затрясся, и электропоезд тронулся, набирая ход, оставляя за собой малолюдные полустанки и одинокие станции. Зинка ехала к отцу.

Незаметно для себя заснула, проспала часа два и, проснувшись как от толчка, испугалась: не проехала ли свою станцию. Ей нужно было выйти в Макеевке, а потом на автобусе доехать до села Матырино, маршрут Зинка старательно изучила заранее. Нет, не проспала, заскрежетал динамик, и

хриплый голос объявил остановку, от которой до Макеевки было ещё два длинных перегона.

День перевалил вторую половину, когда Зинка вышла на покрытый ледком перрон. Дул сильный ветер, и она, скользя своими резиновыми сапогами по льду, неуклюже вкатилась в маленькое, приземистое здание вокзала. Здесь одновременно был и автовокзал: два маленьких окошечка, из которых шёл свет и уют. Кассирша молодая, густо покрашенная, не глядя на Зинку, рявкнула:

— До Матырино в шесть утра и в час дня! Сегодня автобусов больше нет!

Зинка не струсилась и громко сказала:

— Мне тогда на завтра билет дайте! На шесть утра!

И протянула деньги в окошечко. Билет оказался очень дорогим, Зинка рассчитывала, что он обойдётся ей дешевле. Взяв билет, отошла от кассы и стала прикидывать: получалось, что денег остаётся в обрез, больше тратить нельзя, иначе на обратную дорогу не хватит. А ведь ещё неизвестно, как встретит её отец, может, и не обрадуется... Может, и в дом не пригласит... Может, у него там семеро по лавкам...

Да нет... Если б у него были дети, кроме Зинки, мать бы об этом ей обязательно съязвила: дескать, не нужна ты своему папаше-уроду, у него другие дети есть. Но мать никогда о других детях не упоминала, значит, одна у него дочь, она — Зинка.

Тихая надежда таилась в душе: может, возвращаться и не придётся... Вот приедет она к папке, а он увидит дочь, да ещё на него похожую, — обрадуется... Обнимет её крепко, прижмёт к груди и скажет:

— Я тебя так долго ждал, доченька! Так долго! Что ж ты раньше-то не приезжала! А и хорошо, что наконец собралась! Я теперь тебя не отпущу никуда — будем вместе жить-поживать!

И станет смешно суетиться и накрывать на стол... А она, Зинка, ответит:

— Пап, ты посиди, отдохни... Ничего, я тебе теперь все дела домашние буду сама делать!

И она сама накроет на стол, и там будет горячая дымящаяся картошка с укропчиком, и ядрёная квашеная капуста, хрустящая на зубах, и большие ломти ароматного хлеба и, может, даже розовые ломтики сала, тающие во рту. А потом они будут пить горячий чай, прикусывая кусочками сахара, а может, папка достанет баночку варенья.

И они будут смотреть друг на друга, и узнавать друг друга, и тихо разговаривать обо всём. И Зинка расскажет про бабу Веру и про речку, про Дружка, про ёжиков, про Надьку и тётю Марусю, и пустырь за домом, где можно найти много интересного, и как Сашка был рад, когда она нашла для него зайца и пришила надорванное заячье ухо. Сашка — он вырос уже почти, а зайца прячет под одеялом, спит с ним. Прячет, чтоб не смеялись над ним, дескать, такой большой, а спит с зайцем... А она, Зинка, геологом хочет стать...

И папка будет внимательно слушать, а потом тоже расскажет ей о себе, как он жил без неё все эти годы... И ждал, когда же она наконец приедет к нему...

Зинка незаметно для себя всхлинула. Посмотрела по сторонам: никто не слышал? Но до неё никому дела не было: маленький вокзал жил своей жизнью, люди заходили и выходили, суетились, несли сумки, авоськи, баулы. Зинка села в обшарпанное синее кресло и достала книгу. Долго читала. За окнами стало смеркаться, включили яркий электрический свет, и всё вокруг стало немножко ненастоящим. Зинка огляделась: на самом деле она здесь, в этом чужом городе, на чужом вокзале, и это всё правда, не сон? Почувствовала, как сильно хочется есть. Встала, разминая затёкшие ноги и пошла на запах кофе.

Привокзальная столовая не отличалась разнообразием: шницели, пюре, тушёная капуста, такие же помятые беляши, какие Зинка уже покупала сегодня. Она посмотрела на цены и ахнула: всё это было ей не по карману. Может, всё же разориться, может, и обратной дороги не будет, папка оставит её у себя?

Зинка колебалась, потягивая носом горячий мясной запах. Потом увидела, как на одном из столиков оставили поднос с совершенно целыми, даже не надкушенными кусочками хлеба. Ей вполне хватит этой пары кусочков... И Зинка незаметно придвинулась к столику, протянула руку... Оплеуха была неожиданной и болезненной. Зинка почувствовала, что её берут за шиворот, как котёнка, оттаскивают от столика и тащат к выходу. Дородная рыжая тётка злобно прошипела:

— Нам тут своих побирушек девать некуда! Пшла вон отсюда, голь перекатная!

Её больно толкнули в спину, и Зинка чуть не упала от толчка. Молча пошла к креслам, села как ни в чём не бывало в одно из них, загородилась книжкой. Слёзы закапали сами собой, и она пыталась изо всех сил вчитаться, чтобы отвлечься от обиды и чтобы эти непрошеные слёзы перестали течь и никто не заметил, как она плачет.

Рядом раздался тихий женский голос:

— Да ты не плачь, девонька... На-ка вот, я тебе беляш принесла, давай-ка съешь... Я тебе потом ещё шницель с хлебом раздобуду... Вот уйдут с раздачи и кассы, я тебя позову... Ты смотри не уходи... Едешь, чай, куда?

Пожилая мойщица в видавшем виде фартуке ласково смотрела на Зинку, глаза у неё были большие, круглые и очень добрые. Она протянула Зинке беляш в серой обёрточной бумаге. Зинка взглянула на большие распаренные красные руки, протягивавшие ей своё подношение, осторожно взяла, откусила кусок и улыбнулась сквозь слёзы мойщице. И та улыбнулась ей в ответ:

— Ну вот... Не плачь, девонька... И зла не держи на Галину... На кассиршу нашу... Она, конечно, сердитая, но у неё есть причины... Смягчающие обстоятельства... Она, вишь, завсегда жила мирненько, спокойненько, родители хорошие... Потом замуж хорошо вышла. Без скорбей живёт... Голодной не бывает... Как же ей чужую беду понять?! Не... Сытый — он голодного не понимает... Так что не сердчай... Вот ты голодной бывала? Не так, чтобы просто проголодаться, потому что время обеда наступило, а так — когда есть нечего и денег нет и не предвидится? И неделями, месяцами — полуголодной ходить? Бывало у тебя так?

Зинка покивала головой:

— Да. И не раз.

— Вот с тебя, ежели что, спрос другой будет. Потому что ты знаешь: каково человеку голодному живётся. Ежели ты это на себе испытала, а потом человека обидишь — спрос-то строже! Понимаешь ли?

— Кажется — да...

— Ну вот... Сиди здесь. Едешь-то когда?

— Завтра в шесть утра.

— Ночевать негде?

— Нет...

— Ладно, придумаем... Сиди пока...

Когда столовая опустела, мойщица, которую звали тётя Даша, накормила Зинку супом. И не обманула, оставила плоский холодный шницель с хлебом, может, свой отдала... Зинка съела котлету с чудным названием в два приёма, потом, уже медленнее, стала хлебать гороховый суп. Ночевать пошли к тёте Даше, жила она недалеко от вокзала в угловой комнате барака.

Комната была небольшая, тёплая, печь занимала большую часть жилья. Высокая и широкая кровать была нарядно покрыта покрывалом и большими

подушками с кружевными накидками, в серванте стояло семейство слоников, а в углу — иконы, украшенные белоснежными рушниками, и зелёная лампадка. У Зинки затрепыхалось сердечко: всё было так, как в доме у бабы Веры, и даже рукомойник в углу — точь-в-точь...

Вечером пили чай, и Зинка рассказала, что едет к отцу. Тётя Даша смотрела внимательно, слушала так, что хотелось ей рассказывать обо всём: о том, что она одна у папки, и он, наверное, будет ей очень рад, о том, как тётя Маруся кормила её жареной картошкой и дала денег на дорогу — да мало ли что интересного можно рассказать человеку, который умеет так хорошо слушать!

И ещё тётя Даша сказала, что у неё, у Зинки, — красивое имя. Первый раз в жизни её имя назвали красивым, и она просто не поверила: что красивого-то?

— У тебя, Зин, имечко — весеннее, звонкое, синичка ты маленькая — зинь-зинь!

Зинка улыбнулась. Синичкой — оно, конечно, приятнее, чем поросёнком...

Ещё тётя Даша задумчиво спросила:

— А мать тебя обижала сильно, да? Что ж ты про обиды свои ничего не рассказываешь? Обижаешься на маму и отчима?

— Не... Не знаю... Чего про них, про обиды-то, рассказывать?!

— Вот это правильно ты смекаешь. Вот наш уральский старец был, отец Николай Рагозин, батюшка мой милый... Он, знаешь, любил повторять: «Добро записывай на меди, а обиды на воде». Поняла?

Когда Зинку сморило и она начала позёвывать, тётя Даша уложила её на свою кровать к стенке, укрыла тёплым одеялом, и Зинка, совершенно счастливая, уснула. Ночью проснулась, но тёти Даши рядом не было. Зинка с трудом подняла тяжёлую голову от подушки: тётя Даша стояла на коленях перед иконами и молилась. Лампадка горела зеленоватым огоньком, пахло очень приятно, и Зинку охватило чувство покоя и уюта. Она подумала, что надо будет также всё устроить в доме, когда у неё будет свой дом: чтобы такая же большая кровать, и слоники, и лампадка.

Утром Зинка проснулась рано, а тётя Даша уже возилась у печки — ложилась ли она вообще? Когда только и успела — оладушек нажарила, с собой целый пакет дала. Попили чаю, а потом пошли на вокзал. Тёте Даше было ещё рано идти на работу, но ей почему-то очень захотелось проводить Зинку, и она ради неё пошла на вокзал. Шли, держась за руки, по скользкой обледеневшей дорожке в синем апрельском сумраке, и им было хорошо рядом. Тётя Даша очень походила на тётю Марусю, не внешне, а так — Зинка не умела сказать, но чувствовала это душой.

Прощаясь, тётя Даша сказала:

— Ты ведь запомнила, где я живу, так? Если что, ко мне придёшь... Что-нибудь придумаем... Ну, не грусти, чего ты? Милая ты моя... Ничего... Яко отец мой и матери моя остависта мя, Господь же восприят мя... Господь хранит младенцы, сира и вдову примет... Не поняла? Ничего... За битого трёх небитых дают... Это-то поняла?! Ну вот — улыбнулась наконец... С Богом, девонька милая моя!

Матырино было довольно большим селом. В центре автобусная остановка, магазин, школа, а от центра шло несколько улиц: Мира, Сельская, Щербакова. Зинка не хотела ни у кого спрашивать дорогу, не хотела, чтобы знали, к кому она приехала, вдруг назад придётся тут же топтать, чтобы не глазели... Но и так никто не глазел, улицы были пустынными — рабочий день, все на работе, наверное.

Она довольно долго искала улицу Лесную, наконец нашла: это была крохотная тупиковая улица на окраине, домов в двадцать. Несколько домов стояли заброшенными, с забитыми досками окнами. Наличие жизни в других можно было понять только по лаю собак, доносившемуся из-за заборов. Собаки лаяли лениво, брехали, видимо, не чувствовали угрозы в ней, Зинке. Просёлочная дорога от этой крайней улицы уходила вверх, в гору, а на горе виднелись кресты — кладбище и дальше — лес.

Двадцать второй дом — последний на улице, приземистый, крепкий, с зелёными наличниками и цветами на окнах — выглядел живым и обитаемым. Лай не слышен, но, подойдя ближе, Зинка увидела лохматую собачью морду, торчащую из-под забора. Собака внимательно смотрела на Зинку.

— Дружок-Дружок! — тихонько позвала она.

Собака задумчиво гавкнула — откликнулась, значит.

Зинка подошла ближе. Сердце превратилось в маленькую точку, но точка эта билась так часто и громко, что, казалось, биение раздавалось на всю округу. На заборе была кнопка звонка. Зинка нажала на кнопку, подождала и нажала ещё раз. Дружок смотрел из-под забора и не лаял — умный пёс. Звук звонка был слышен на улице. Дверь дома скрипнула, и на порог вышла женщина лет пятидесяти. У неё были светлые волосы, как у Зинки. Она прищурилась, глядя на нежданную гостью, потом молча подошла к калитке, открыла, молча впустила Зинку и молча пошла в дом. Зинка пошла за женщиной.

Внутри было просторно и уютно, на стенах фотографии. Зинка не могла рассмотреть фотографии, она смотрела на светловолосую женщину. А та села на стул и сделала знак рукой гостье — тоже присесть. Долго смотрела на неё тяжёлым взглядом, а потом сердито сказала:

— Вот и Зина явилась. Я тебя сразу узнала. Я сестра твоего отца. Ну что? Зачем пожаловала?

У Зинки сильно пересохло во рту, и она с трудом смогла выговорить-прошелестеть:

— Я к папке приехала.

— Помер твой папка. Вот уж год как помер. Инфаркт. Жизнь у него была нелёгкая и скорбей много. А ты о нём никогда и не вспоминала, так ведь? Небось как денежки перестала получать, тогда и про папку вспомнила?! Наследство приехала делить?!

Зинка почувствовала, что ноги у неё совсем отнялись, но она поняла, что нужно как-то встать и уйти. С трудом поднялась и, еле-еле переставляя ноги, поплелась к выходу. У выхода так же тихошелестела:

— До свидания...

Потянула дверь на себя.

— Ну-ка, стой! Да стой же — тебе говорю!

Женщина подбежала к Зинке и еле успела её подхватить, потому что ноги Зинкины совсем отказались ей повиноваться и стали как-то странно подгибаться, а пол подозрительно закачался.

Опомнилась она в большом мягком кресле. Женщина сидела на стуле рядом, держала в руках стакан с водой. Взгляд её изменился — стал добрее.

— Ты очень похожа на Федю. Я тебя сразу узнала: и глаза Федины, и волосы. Он ведь тебя любил ... И денег всегда посылал гораздо больше, чем положено... Мечтал увидеть тебя. У него с мамкой твоей договорённость была: она ему в обмен на деньги твои фото обещала посылать. Посылала иногда...

Женщина встала, подошла к комоду, достала коричневый плюшевый альбом со смешным медвежонком на обложке. Открыла. В альбоме было мало фотографий, но все любовно разукрашены нарисованными акварелью цветами,

бабочками, листочками: маленькая Зинка, ещё маленькая у бабы Веры на руках, Зинка побольше, Зинка с тощим портфелем...

— Он так мечтал тебя увидеть... Что ж ты ему письма такие нехорошие писала, а? Как рука твоя только поднялась?

— Я не писала... У меня и адреса-то не было, год назад вот достала...

Зинка медленно достала потёртую на сгибах квитанцию.

Женщина бросилась к комоду, порылась, принесла два листочка бумаги:

— Вот письма твои, читай: «Живу я хорошо, и у меня есть отец, а ты мне не отец никакой, урод ты и есть урод, атомную бомбу на твою башку! А откажешься алименты платить — я на тебя в суд подам!»

Почерк был Катерины, только уж очень криво и коряво написаны буквы. Должно быть, сильно пьяная писала...

— Не я это... Матери почерк...

Женщина ахнула.

— Да за что ж она так-то? Он ведь ей ничего плохого не сделал. Сама она к нему бегала. На маслозавод устроилась, романтики, что ли, захотелось ей, а Федя — он всю жизнь пастухом работал... Бегала к нему сама в поле, а как забеременела, он её уговаривал ребёнка оставить. На коленях просил... Я ведь всё это знаю, всё, почитай, на моих глазах было... Жениться хотел, а у него ж руки золотые, и характер добрый очень, потачливый такой, покладистый... Феденька, братик милый...

Женщина всхлипнула.

— У тебя папка был очень-очень хороший! Веришь мне?

— Верю, — сказала Зинка. Голос у неё дрожал.

— Не ты письма писала, правда?

— Правда. Не я.

Женщина обняла Зинку, прижала к себе:

— Зина к нам приехала... А Феденьки нет больше. Ах, детка, что ж ты раньше-то не приехала... Как он ждал-то тебя, как увидеть хотел! Жизнь у твоего папки не сложилась... Он, когда маленький был, мы жили в Подмосковье, а там в войну бои шли. Война-то кончилась давно, ему уж лет двенадцать было — огород отодвигать стали, а он копал. За мужика уж работал... Друг ему помогал с изгородью. На мину наткнулись. Дружок — насмерть, а он выжил, но вся левая сторона лица изуродована, и глаза лишился. Твоя мать его уродом за это звала. И замуж не пошла, стыдилась его недостатка. А так — он красавец был, твой папка. Сейчас я покажу тебе! Меня Татьяна зовут, тётя Таня я тебе, поняла? Вот смотри — это его фотография. А рядом — видишь, это ты маленькая.

Зинка с трудом встала, ноги всё ещё были ватными, подошла ближе, взгляделась: из рамочки чёрно-белой фотографии на стене внимательно смотрел на неё красивый широкоплечий мужчина с добрым открытым взглядом. А рядом, в искусно выпиленной рамочке, красовалась фотография маленькой смешной Зинки. На её недоумение тётя Таня улыбнулась сквозь слёзы:

— Незаметно, да? Он так специально фотографировался — сбоку, чтобы левую сторону лица не видно было. А так — что ж? Ни в армию не взяли, ни на работу хорошую не устроишься. Пенсию получал... Да и стеснялся он незнакомых-то. Это здесь, в Матырино, его все любили, а в чужом-то месте зеваки всяко обозвать могли... Так всю жизнь пастухом работал... Любил один — на природе... Дом вот в порядке содержал и соседям завсегда помогал, ничего взамен не требуя. За то и любили — безотказный... Так он всю пенсию тебе отправлял, когда и от зарплаты ещё добавит... Ты у него единственная ведь была. Сядет, бывало, уж не налюбуется на твои фотографии. Каждую рисунком изукрасит или рамочку сам сделает... У меня-то и муж был, и детишек трое, взрослые уже, в городе живут. А у Феденьки ты одна — как есть одна. Постой,

что ж я, окаянная, тебя за стол-то не сажаю, ты ж с дороги — голодная, подика? Погодь, я тебе всё-всё про отца расскажу, давай-ка сначала стол накрою...

Тётя Таня вскочила и стала хлопотать по хозяйству. Зинка спросила тихо:

— Почему он умер?

— Ребятишки в речке купались, озоровали, один пацанёнок тонуть стал. Они испугались — орут как оглашенные, а рядом никого. Федя у речки пас, на лошадке был, подскакал и вытащил его. Откачал мальчонку, а сам лёг на песок и... Ребятишки взрослых привели, мальчонка кашляет, а Феденька лежит рядом, как будто спит... И хоронили его — я не верила, — лежит как живой, чуть улыбается вроде... Плакали все...

— А где папка похоронен?

— Что? А... Так я свожу тебя после обеда... Что молчишь? Одна хочешь? Ну иди, сходи, а я пока приготовлю обед. Ближний к лесу ряд, там сосна такая ещё приметная — с одного краю веток нет. Ванечкин Фёдор Иванович. Не боишься одна на кладбище? Ну сходи... Только потом сразу ко мне — назад. Поняла? Прости, что неласково встретила.

Тётя Таня проводила Зинку до калитки, лохматый Дружок привстал, внимательно и грустно посмотрел на неё, но лаять не стал. Тётя Таня сказала, открывая калитку:

— Ты не бойся — я на тебя поглядывать буду из окошка... Да у нас тут спокойно так-то, не балуют — все свои... А и некому уже баловать — почитай, вся молодёжь разъехалась... Ну, иди-иди, да недолго, я быстро сготовлю, завтра ещё вместе сходим — подольше посидим, пирогов напечём и сходим...

И Зинка медленно пошла на гору, к папке.

Она поднималась по горе, скользя своими резиновыми сапожками по обледеневшей дороге, и дорога казалась ей бесконечной. Поднялась до кладбища, прошла к последнему ряду могил у леса, сосну увидела сразу — она была большой, сильной, но изогнутой, и ветки росли только с одной стороны. Сразу увидела могилу, на ней — деревянный крест, на кресте табличка: «Ванечкин Фёдор Иванович». И годы жизни. Рядом с могилой врыта скамейка и небольшой столик.

Зинка села. Посмотрела вокруг: с горы видны речка, поле, село Матырино и домик тёти Тани. Даль открывалась такая, что дух захватывало. Зинка прикоснулась к могиле рукой — и ничего не почувствовала. И это всё? Вся поездка к отцу? Она тихо сказала:

— Папка, здравствуй... Это я, Зина, твоя дочка. К тебе приехала... А ты умер...

И почувствовала. Ощутила вдруг сильную боль, болело где-то внутри, может, это душа так болит? Она почувствовала, что папка видит и слышит её. И что он очень долго её ждал. Ей внезапно стало ужасно страшно, что он поверил, будто это она написала злые письма, назвала его уродом и причинила ему боль. Зинка опустилась на колени перед могилой и сказала громко:

— Папка, это не я письма писала! Я бы никогда не стала тебя обижать! Ты мне веришь? Я так давно хотела к тебе приехать, так давно! У меня не получилось раньше это сделать, прости меня, пожалуйста! Если бы я сделала это раньше, то всё было бы иначе... Я бы осталась жить с тобой, и, может, ты бы не умер... Папочка, прости меня, пожалуйста, что я не смогла с тобой встретиться! Видишь, как всё получилось... Я приехала — а тебя нет...

Зинка неожиданно для себя самой заплакала в голос. Ей стало так жаль, что ничего нельзя вернуть, ничего нельзя исправить, и она никогда уже — никогда — не увидит папку. Никогда в жизни. А он её любил. Он её фотографии берёг. Он был её родным отцом. И вот — они уже никогда не встретятся. Зинка плакала, и всё расплывалось перед глазами, и непонятно уже было, где речка, где поле, где домик тёти Тани.

Куда ей теперь идти? Она устала, слишком устала. И никуда она больше не пойдёт. Она останется здесь, просто ляжет на холодную землю у этой могилы и уснёт. Как уснул её папка. А потом её похоронят вместе с ним. И они будут тихо и спокойно лежать вместе, а рядом — течь река и шуметь лес. И не будет скорбей, слёз, боли, всё будет тихо и радостно, мир и покой. Зинка села на землю рядом с могилой, закрыла глаза. Слёзы текли по её лицу всё медленнее и наконец утихли, лицо разгладилось. Она чувствовала, как холод земли постепенно проникает в её тело, но даже радовалась этому: она просто тихо уснёт здесь, рядом с папкой.

Внезапно она почувствовала, как будто отец говорит ей что-то. Вслушалась, и ей показалось, что она слышит голос папки:

— Доченька, радость моя, вставай! Поднимайся, солнышко моё! Нельзя сидеть на холодной земле — простудишься... Сейчас ты встанешь и пойдёшь в дом. Ты ведь знаешь, как много хороших людей вокруг! И они любят тебя! И тётя Маруся, и Надька, и Сашка, и тётя Даша. И тётя Таня тоже полюбит тебя! Так, как любил тебя я... И не переживай про письма — я знал, что моя дочь никогда не напишет таких писем и не обидит человека... Не плачь, солнышко моё! В жизни бывают скорби и радости... И ты обязательно станешь геологом, и пойдёшь по тайге, а рядом побежит лохматый Дружок. А я буду рядом с тобой, и ты будешь чувствовать мою любовь так, как сейчас. Я очень люблю тебя, доченька, всегда любил тебя... Вставай, пожалуйста!

И Зинка послушалась отца. Она с трудом встала с земли, приложилась лбом к кресту, а потом прошептала:

— Я тоже люблю тебя, папа!

И тихонько пошла, скользя по обледеневшей дорожке. И впереди расстился простор, от которого дух захватывало: поле и река, и бесконечное небо. Впереди была целая жизнь.

Сорок минут

Вера сидела в кресле и делала вид, что читает книгу. На самом деле она совсем не читала. Вера дулась. Дулась на своего мужа, Сергея, который лежал на диване и смотрел по телевизору новости. Он по телевизору обычно только новости и смотрел. На большее времени просто не хватало: её муж много работал. Всю семейную жизнь.

Сначала он много работал, чтобы прокормить жену и двух сыновей. А теперь, когда мальчишки выросли и встали на ноги, продолжал так много работать то ли по инерции, то ли потому, что ему нравилось жить в постоянном цейтноте.

А вот Вере это не нравилось... Она незаметно бросила взгляд на мужа. Да, муж у неё, конечно, хороший... Заботливый, хозяйственный... И выглядит он в свои сорок семь очень молодо: стройный, подтянутый, широкоплечий... И даже когда лежит на этом диване, закинув руки за голову, в футболке и стареньких трениках, им можно залюбоваться. Вот только времени у него никогда не хватает.

Вот и вчера он задержался: попросили починить «совсем убитый», по его словам, компьютер. И он, конечно, не отказался. Починил. Руки-то — золотые. И даже принёс жене на заработанные дополнительно деньги подарок к годовщине их свадьбы. Но разве в подарке дело?! Двадцать пять лет семейной жизни — четверть века... И Вера вместо подарка хотела провести с мужем весь вечер. Вот это был бы подарок! Неспешный ужин вместе с пришедшими в гости сыновьями, тихая беседа, родство душ... Вот в чём радость!

А так всё получилось скомканно, на бегу. Серёжа пришёл поздно, когда пирог остыл и мальчишки уже ёрзали в креслах, устав ждать отца и семейного праздника. Вера смолчала вчера, зато сегодня, в воскресенье, высказала всё, что накопилось: и про жизнь на бегу, и про то, что всех денег не заработаешь, и про то, что мы работаем, чтобы жить, а не живём, чтобы работать.

Серёжа не спорил, шутил, смешил жену, и этим ещё больше рассердил её, и Вера демонстративно замолчала и молчала вот уже полдня. Вот и сейчас она сидела в кресле с книгой в руках и дулась.

Вера бросила поверх книги взгляд на мужа, а потом, тихонько вздохнув, встала и пошла в ванную комнату. Обычно на принятие ванны у неё уходило минут сорок: сначала пустить пену и долго нежиться в ароматной воде, потом не спеша помыться и закончить дело прохладным душем.

Сорок минут в ванной комнате текли неспешно. Вера лежала в ванной и думала, как помириться с мужем. Всё-таки он у неё очень хороший... Вот вчера подарок принёс — духи любимые, хоть они и дорогие очень... И вовремя: заветный флакончик успел кончиться. А он заметил, хоть и всегда торопится.

Да, муж у неё хороший. Надо помириться. Сказать ему что-нибудь ласковое... Она, Вера, тоже часто всё на бегу делает... И на слова ласковые так часто времени не хватает... Всё больше ругает мужа, ворчит, а то и покрикивает... вот как сегодня утром...

Ладно, вот сейчас она выйдет из ванны, на мокрые волосы — капля любимых духов — и к мужу, мириться. А он обнимет её ласково, прижмёт к себе и скажет: «Мой малыш». И это будет очень приятно: знать, что есть человек, который любит и называет малышом, несмотря на годы, и лишний вес, и вот эту, недавно появившуюся, морщинку на лбу. И она уткнётся носом в его плечо, такое родное и тёплое, такое широкое и надёжное, и им будет так хорошо вместе...

Вера вышла из ванной комнаты и насторожилась. Какой-то хрип доносился из комнаты, это что — телевизор? В комнате был полумрак среди белого дня, и по спине побежал холодок.

Вера медленно вошла в комнату и с ужасом увидела бледное лицо мужа, закрытые глаза, синие губы. Роняя полотенце, она заметалась по комнате. Выскочила на лестничную площадку, начала звонить во все двери, бросилась назад, непослушными руками стала крутить диск телефона.

«Скорая» приехала через десять минут. Сосед Виктор делал её мужу искусственное дыхание, соседка Зоя обнимала судорожно всхлипывающую Веру. Врачи захлопотали над лежащим Сергеем, но их хлопоты быстро кончились. Один из врачей, мрачный, черноволосый, подошёл к женщинам и сказал:

— Поздно.

— Что — поздно?! — вскрикнула Вера.

— Всё поздно... Опоздали. Минут на сорок бы пораньше... Где вы были, когда начался сердечный приступ?! А теперь — что ж... Вызывайте труповозку, а нам нужно ехать, у нас вызовы, работа...

Вера плохо помнила, что было дальше. Она сидела на полу рядом с диваном и держала мужа за руку. Рука была ещё тёплой, и ей казалось, что это страшный сон, что Серёжа просто спит. Вера сказала:

— Серёж... Как я теперь без тебя, а? Ты не можешь оставить меня одну, не можешь! Понимаешь?! Так нельзя! Я не могу без тебя! И не хочу!

Вера замолчала и подумала, что теперь никто не назовёт её «малыш». Никто не обрадуется пришедшим в гости мальчишкам. А если они захотят жениться, то её муж никогда об этом не узнает. И не будет сидеть с ней рядом на свадьбе, не будет сжимать её руку, когда молодым закричат «горько!». И если у них появятся внуки, то её муж не сможет вместе с ней порадоваться их

улыбке, и агуканью, и первому слову. И не пойдёт с внуком по аллее, подбрасывая его в воздух. И это — всё?! Вся жизнь?! А кому она теперь уткнётся в плечо?! Что, этого родного, широкого, тёплого плеча — больше не будет в её жизни?! Никогда?!

А ведь она не успела, так много не успела! Она не успела помириться с ним. Не успела сказать, что и не сердится совсем. Что любит его, своего родного и ненаглядного мужа. Не успела...

Вера встала перед диваном на колени и стала просить, сквозь слёзы и боль:

— Господи, верни мне его, пожалуйста! Ну пожалуйста, Господи, верни мне его! Я очень прошу тебя! Пожалуйста! Я так прошу тебя! Смилуйся, милосердный Господи! Верни мне моего мужа! Я так часто ругала его и ворчала, но Ты ведь знаешь, что я любила его. Всегда следила, чтобы он не простыл, чтобы тепло оделся. Чтоб рубашка чистая... Господи, что я такое говорю?! Я хотела только сказать, что я ничего не успела... И что я люблю его.

Вера долго плакала, пока не забылась в беспмятстве, сидя у дивана.

Открыла глаза от резкого звука. По телевизору шли новости, и показывали какую-то катастрофу. Вера вскочила с кресла, и муж посмотрел на неё удивлённо. Книга упала с колен, и Вера застыла у кресла, глядя на книгу в недоумении. Да уж, чего только не приснится... Особенно если по телевизору всякие ужасы показывают... Вера встряхнула головой, прогоняя остатки сна, а потом пошла в ванную. Сорок минут в ванной комнате — приятное занятие.

Вера медленно вошла в ванную, включила воду, постояла немного в нерешительности, а потом медленно пошла назад. Шла отчего-то осторожно, затаив дыхание. Почувствовала облегчение, когда увидела в комнате яркий солнечный свет вместо полумрака из её сна.

Подошла к дивану и опустилась на колени рядом с мужем. Потёрлась носом о нос. Серёжа улыбнулся. Попытался сесть и обнять Веру, но как-то слабо охнул. Закусил губу, чтобы не застонать и не испугать жену.

Вера быстро поднялась на ноги. Ей хотелось закричать от ужаса, но она вместо этого делала всё быстро и чётко: лестничная площадка, отчаянные звонки, соседи Зоя и Виктор. Молниеносно метнулась назад к телефону. «Скорая» приехала через десять минут.

Врачи хлопотали над лежащим Сергеем, но их хлопоты быстро кончились. Один из врачей, мрачный, черноволосый, подошёл к женщинам и сказал:

— Ну что ж, приступ купировали.

А потом вдруг улыбнулся и перестал быть мрачным:

— Вовремя вы нас вызвали! К участковому запишитесь на приём в понедельник...

«Скорая» уехала, а соседи ушли, Вера села на диван рядом с мужем. Нервное напряжение никак не отпускало, и она вся дрожала. Потом взяла мужа за руку, прижала её к губам и зарыдала. А он обнял ласково жену и сказал:

— Ну что ты, малыш... Всё хорошо.

И она уткнулась носом в его плечо, такое родное и тёплое, такое широкое и надёжное.

Превентивный удар

Татьяна варила борщ. Он был почти готов, и из большой жёлтой кастрюли с цветочками шли аппетитнейшие запахи. Несмотря на молодость, Таня была прекрасной хозяйкой и отлично готовила.

— Вкусно пахнет! А я так проголодался! Костян где? С игрушками возится?

Вошедший муж Сергей заглянул на кухню и широко улыбнулся. Улыбка его была всегда такой обаятельной, что нельзя было не улыбнуться в ответ. И Таня расцвела, подошла к мужу прямо с половником в руках, поцеловала.

Из детской прибежал заигравшийся Костик, потянулся к отцу, и тот подхватил сынишку, затормошил, ушёл с ним к игрушкам. Таня слушала их возню в детской комнате и улыбалась счастливо.

Сергей вернулся на кухню, ласково приобнял жену, а потом присел за стол, посерьёзней и медленно сказал:

— Тань, ты только не расстраивайся, ладно? Похоже, нам снова придётся взять маму к себе... Что-то там у неё с Ритулей не очень отношения... Ну, ты знаешь, характер у моей сестрицы сложный... Вот сегодня мама звонила, плакала...

Муж смотрел смущённо. Таня молчала, и он встал и, потоптавшись у кухонного стола, сказал:

— Я, это, пойду машину в гараж поставлю... Костика с собой возьму, прогуляться... И обедать придём...

Сергей вышел, а Таня медленно опустилась на стул. Посмотрела невидящими глазами в окно. Неужели свекровь снова поселится у них? Снова начнётся эта бесконечная пытка?

Характер Ирины Львовны, как и её старшей дочери Маргариты (по-семейному Ритули), был, мягко говоря, сложный. Но сначала Таня об этом и не подозревала. Знакомство с родителями мужа было коротким: молодожёны погостили у них несколько дней и уехали к месту нового назначения Сергея, профессионального военного.

Эти несколько дней были не самыми приятными в жизни Тани. Особенно разобраться в семейных отношениях Петровых она не успела. Заметила, правда, что решающий голос во всех вопросах принадлежал Ирине Львовне. Свёкор, полковник в отставке, был человеком покладистым, к Тане обращался редко, но по-доброму. Что касается свекрови, то она вела себя сухо, сдержанно, всем видом своим давала понять, какую милость оказывает их семья, принимая к себе юную невестку.

Таня как-то сразу почувствовала, что Ирина Львовна считает её не парой своему сыну, не такую невестку она ждала. Да, Таня и сама знала, что нет у неё ни красоты особенной, ни приданого богатого. Родители умерли рано, только она и успела институт окончить. Работала учительницей в школе, преподавала русский язык и литературу. Профессию свою любила, но зарплату получала грошовую. Как-то за столом попыталась рассказать забавный случай из школьной жизни, но Ирина Львовна, недослушав, перевела разговор на другую тему. А потом сказала негромко: «Ума нет — иди в пед», и Татьяна покраснела, но смолчала.

Она вообще была покладистая характером. Да и свекровь права: на самом деле не пара она Серёже. За что и полюбил он её только? Невысокая, худенькая, светлые брови, волосы светлые — мышь серая. А Серёжа у неё — высокий, красивый, подтянутый. Да и семья у Сергея обеспеченная, а она, Таня, — ни денег, ни квартиры, комната в коммуналке. Ирина Львовна сказала:

— Ну что, сирота казанская, принимаем тебя в семью. Раз уж Сергей на тебе женился...

И Таня улыбнулась: действительно сирота казанская. Нет, она не была забитой и робкой. Могла постоять за себя. Но здесь был совсем другой случай: она так любила Серёжу, что готова была полюбить всё, связанное с ним, — его родных, его дом, его друзей. Ну ничего, когда Ирина Львовна поймёт, как любит невестка мужа, как заботится о нём, то и сама изменит к ней отношение.

Старшая дочка Петровых, Маргарита, по-домашнему Ритуля, на Таню внимания не обращала и разговоров с ней не заводила. Она была такой же

высокой и худой, как Ирина Львовна, и характером походила на мать. Сергей же крепкой мощной фигурой и покладистым характером вышел в отца. Ещё у Петровых жила старенькая бабушка, папина мама.

Вот бабушка отнеслась к Тане с любовью, и Татьяна большую часть времени провела в её маленькой комнате. Старушка учила её вязать, рассказывала истории из детства Серёжи и Ритули, и Таня слушала эти истории с радостью.

Неприятно поразило её небрежное отношение к бабушке Ирины Львовны. При домочадцах она вела себя с матерью мужа вежливо, но когда мужчин не было дома, покрикивала на старушку:

— Ну-ка посторонись, успеешь в ванную! Ритуле на работу нужно, а ты всё равно день-деньской дома сидишь! Иди в свою комнату и не путайся под ногами!

А как-то Таня услышала сердитый голос свекрови, обращённый к бабушке:

— Пошла вон!

Таня вышла в коридор, но Ирина Львовна была уже на кухне, а бабушка тихонько брела по коридору и выглядела совершенно спокойной и всем довольной. Таня подумала, что ослышалась.

Скоро молодые уехали, и в следующий раз Таня увидела свекровь только через год. За этот год в семье старших Петровых произошли значительные изменения: Ритуля стала жить отдельно, умерла старенькая бабушка, а вслед за ней от инфаркта скоропостижно скончался свёкор. Вот тогда Ирина Львовна и приехала к сыну с невесткой.

После смерти мужа она сильно сдала, но держала себя всё также высокомерно, разговаривала начальственным голосом и постоянно придиралась к невестке. Казалось, она только и занята тем, чтобы найти повод для конфликта. Танечка ждала ребёнка и сидела дома. Беременность протекала тяжело, мучил токсикоз. Тем тяжелее было выносить придирки свекрови.

Все эти придирки Ирина Львовна копила на вечер, и когда Сергей приходил с работы, обрушивала на него тяжёлую артиллерию: его бездельница-жена спит днём, а могла бы в свободное время и ремонтом заняться, ну хоть косметическим. Или: неприветлива молодая жена со свекровью, непочтительна. На вопросы сына, в чём именно неприветливость выражается, свекровь поджимала губы: мог бы и сам догадаться!

Таня сама готовила, мыла посуду, в том числе и за свекровью, стирала на троих и прибирала в квартире. Ждала, что Ирина Львовна наконец оценит вкусный борщ, или белоснежное после стирки бельё, или чистоту и уют в квартире, но угодить никак не могла.

Что именно говорила свекровь мужу, Таня не знала, но была поражена, когда Серёжа как-то сказал ей с болью:

— Танечка, пожалуйста, будь поласковее с мамой, не обижай её. Ей и так тяжёло после смерти папы.

— Но я...

Серёжа перебил и сказал уже с напором:

— Всё, Танечка! Не будем спорить! Ты в положении, я понимаю... Нервничаешь... Но я прошу тебя не обижать мою маму!

И после этого разговора Таня как-то сильно расстроилась. Когда муж ушёл на работу, она долго плакала, закрывшись в ванной и включив воду, чтобы Ирина Львовна не услышала.

А потом, отправившись в магазин за покупками, Таня забыла кошелёк. Пришлось вернуться. Открыв входную дверь, она замерла на пороге, услышав громкий, ликующий голос свекрови, которая разговаривала по телефону:

— Да, Ритуля! Абсолютно правильно! Я сразу показала ей, кто в доме хозяйка! Самое главное — нанести превентивный удар! Я как-никак жена полковника! Наступать нужно, чтобы обороняться не пришлось... Да, да! Превентивный удар! Нанесла-нанесла! Ну, придумала... Да... Сочинила... Серёжа? Конечно, поверил! Что он, родной матери не поверит, что ли?! Да, конечно, правильно я сделала... А то ей только дай волю... Только расслабься... Живо сядет на шею! Я стреляный воробей, знаю, как с пожилыми людьми обращаются, если они за себя постоять не могут. Вот-вот!

Таня почувствовала слабость, ощутила, как подгибаются колени. Тихонько вышла на улицу, держась за перила, чтобы не упасть, потому что слёзы текли и она плохо различала ступеньки.

Дошла до пустынного сквера, который был в трёх шагах от дома, и опустилась на скамейку. Плакала и вспоминала, как мечтала о большой, дружной и счастливой семье, мечтала о том, что у неё, сироты, появятся родные люди. И она полюбит их, ведь они — родственники Серёжи. И, может быть, она даже будет называть свекровь мамой, а та скажет ей ласково: дочка... Таня заплакала почти в голос, не в силах сдержаться. И ребёночек в животе тоже заволновался, стал брыкаться. Она замолчала, испугавшись за маленького, перестала плакать, задышала глубоко и, поглаживая живот, сказала:

— Всё хорошо, Костик, всё хорошо... Вот видишь, наша бабушка решила нанести нам превентивный удар... Это чтобы защититься, значит, самой... А мы с тобой и не думали её обижать, да? Это она просто неправильно подумала... Вот так и получилось... Если бы она знала, что мы и не хотим её обижать, она бы так не поступила... Ничего... Всё образуется... Мы с тобой её простим, правда? Успокойся, мой маленький, успокойся, пожалуйста! Тебе нельзя там волноваться... Всё в порядке! Я тебя очень люблю! Ну вот... Успокоился?

Таня подняла глаза к серому осеннему небу и тихо сказала:

— Пресвятая Богородица, защити моего сыночка и меня! Ты ведь знаешь, что у меня нет родителей... Матушка, защити нас Сама! Пожалуйста, защити нас...

Потом встала и медленно пошла в магазин. Ребёнок успокоился, и у самой Тани на душе стало легко и спокойно.

А через пару дней Ирина Львовна объявила о том, что уезжает от них. Позвонила Ритуля и сообщила о том, что скрывала уже несколько месяцев: скоро она станет матерью и ей понадобится помощь по дому.

Ирина Львовна оживилась, засуетилась, собираясь:

— Дочка ждёт... Я ей нужна... Не откажешь ведь в помощи родной дочери... Тебе-то вот повезло: Сергей тебя замуж взял, а Ритуле какой-то подонок попался, ребёнка заделал, да и поминай как звали!

И Серёжа с Таней остались одни, а потом родился Костик, вот уж три года исполнилось сыночку. Таня вспомнила, как дружно они жили, как рос сын и как хорошо было им втроём.

Неужели пришёл конец их счастливой жизни? Таня сидела на кухне, уставившись в окно и забыв о времени. Услышав весёлый звонкий голос сынишки и бас мужа, доносившиеся из подъезда, встrepенулась и стала накрывать на стол.

Через пару дней Серёжа отправился к Ритуле забирать маму. Ирина Львовна приехала молчаливая, притихшая, похудевшая. С Таней поздоровалась тихо и ушла в комнату, приготовленную для неё. Костик жался, дичился бабушки. А бабушка молчала и почти не выходила из своей комнаты.

«Ну что ж, — подумала Таня, — пусть будет так».

Она больше не пыталась наладить отношения со свекровью, обращалась к ней только по необходимости. Прежнее желание обрести близкого человека

исчезло, и Таня держалась спокойно, ровно, но отчуждённо. Вспоминала себя три года назад, как старалась она угодить свекрови, как ждала её доброго слова, ласки, как болело сердечко, встречаясь с холодом и неприязнью, — и понимала, что это всё в прошлом.

Серёжа на вопрос о Ритуле ответил коротко:

— Тань, ты ведь знаешь, сестрица одна дочку воспитывала. Мама у неё была и за няню, и за кухарку, и за уборщицу. А сейчас Маргарита замуж собралась. Дочку в садик отправила, мама ей больше не нужна. Мешать стала... Да и у её будущего мужа своя собственная мать имеется... Так что...

Таня смолчала. Подумала только: «Привязалась, наверное, Ирина Львовна к внучке, трудно ей, наверное, было с ребёнком расставаться». Стало немного жалко свекровь. А та очень изменилась: больше не было воинственного настроения, она стала тише, мягче в обращении. Да и физически сильно сдала. Видимо, старость смиряет людей.

Таня заметила, что свекровь любит наблюдать за играющим Костиком. Иногда ему мячик укатившийся принесёт, а то поможет домик из кубиков построить. И внук стал относиться к бабушке уже не так пугливо, хотя по-прежнему избегал, не ласкался, не просился к ней на руки.

Как-то вечером, когда Серёжа был на дежурстве, Костик сильно раскапризничался. Таня потрогала лоб ребёнка — горячий. Поставила градусник — и с ужасом увидела, что ртутный столбик поднялся до сорока градусов. Таня заметалась по комнате. Схватила телефон, вызвала «Скорую помощь». Машина долго не ехала. И Татьяна выбежала на улицу, заметалась по дороге: вдруг подъезд будут долго искать...

Когда вернулась с врачом, чуть не ахнула: Костик сидел на коленях Ирины Львовны. Прижался доверчиво и даже не плакал. А свекровь пела ему что-то про серенького котика, и Таня поразилась: оказывается, её скрипучий голос может быть таким ласковым...

У Костика нашли корь. Разрешили оставить дома и назначили лечение. И свекровь, к удивлению Тани, не отходила от внука. Листала книжку с картинками, пела, сильно фальшивя, но с чувством, про серенького котика, рассказывала какие-то сказки. С Таней она по-прежнему обращалась сухо, только по необходимости, а вот при разговоре с внуком, её голос становился совсем другим — не таким скрипучим. Она ласково звала малыша Костюшкой и ползала по ковру, подавая то кубики, то пирамидку. Таня даже как-то поймала себя на том, что, стоя за плитой, она сама запела песенку про того серенького котика. Испуганно замолчала: вдруг свекровь услышит и решит, что она, Таня, её передразнивает...

А дней через пять, когда внук уже шёл на поправку, заболела сама Ирина Львовна. Она не встала утром с кровати, а когда Таня заглянула в её комнату, то увидела горящее лицо, красные глаза свекрови и вызвала «Скорую». Врач сказала:

— Ну что ж, бабушка, похоже, вы заразились от внука корью... Да, да, вот и склеры глаз красные — взгляд кролика... Лицо отёчное... На третий-четвёртый день сыпь появится...

— Кр-ролика, — обрадовался притаившийся у двери Костик: он недавно научился выговаривать «р».

— Взрослые корь тяжелее переносят, чем дети, осложнения бывают... Бронхит, пневмония... Как насчёт больницы? Нет? Ну что ж... Специфического лечения кори не существует. Можно лишь снизить общие симптомы интоксикации организма и контролировать температуру тела.

Таня крутилась как белка в колесе: требовал заботы выздоровевший Костик. Он рос добрым и спокойным ребёнком, но за время болезни привык к вниманию, к исполнению всех желаний на лету, и ему это очень понравилось...

Также Таня ухаживала за свекровью: подавала по часам лекарство, делала морсы, то клюквенный, то брусничный, готовила для больной пищу полегче, но попитательнее, помогала дойти до туалета.

Но Ирине Львовне не становилось лучше. Температура спадала на полчаса, а потом ртутный столбик опять стремительно поднимался к сорока. Губы обметало, черты лица заострились. Таня про себя решила, что если состояние больной не улучшится в ближайшее время, то нужно будет отправлять её в больницу.

Под вечер опять поднялась температура, и Ирина Львовна попросила Таню набрать номер телефона Ритули:

— Я хочу попрощаться с дочкой и внучкой.

— Ирина Львовна, я, конечно, наберу вам их номер, но не попрощаться, а просто поговорить. Почему попрощаться-то?

— Я умираю.

— Ирина Львовна, вы обязательно поправитесь, и всё будет хорошо. Вот увидите! Ещё пара дней — и вы пойдёте на поправку!

Свекровь внимательно посмотрела на Таню:

— А ты что, действительно хочешь, чтобы я поправилась?

Таня растерялась от этих слов и осеклась. Стала переставлять на стуле морс, лекарства, а перед глазами: вот свекровь прижимает к себе больного Костика, вот поёт ему про серенького котика, вот ползает за ним по ковру в поисках пирамидки. Таня присела у кровати свекрови, взяла в руки её горячую ладонь и сказала от всей души:

— Конечно, хочу! Очень хочу! И вы обязательно поправитесь! Скоро Рождество... Будем вместе встречать праздник! И ёлку Серёжа принесёт... И подарки у нас будут... И пирог...

— Пирог... подарки... Прости меня, Танечка! Пожалуйста, прости меня! Сможешь?

— За что, Ирина Львовна?

— Ты знаешь...

Таня помолчала и ответила просто:

— Знаю. За превентивный удар.

Свекровь сжала горячими и немного дрожащими руками ладони Тани:

— Да. За превентивный удар. Знаешь, у меня самой свекровь была доброй и кроткой. А я ведь её обижала. Сначала вскользь, второпях... А потом всё чаще. Понимаешь, стоит один раз сказать старому человеку: «Пошла вон!» — и потом это становится уже привычным и произносится так легко... Ах, если бы всё вернуть назад! Как мне стыдно сейчас за это, Таня! А знаешь, когда мне стало стыдно? Когда я услышала эти слова от своей родной дочки. От Ритули. Она мне крикнула их с той же самой, моей, интонацией, которую я так хорошо помню... Знаешь, Танечка, для того чтобы понять, что чувствует обиженный человек, нужно встать на его место. А сытый голодного не разумеет. Нет, не разумеет...

— Ирина Львовна, сейчас я вам лекарство дам. И морсика...

— Подожди. Я обижала свекровь и боялась, что ты также будешь обижать меня. А стала примером для собственной дочери. Я не сержусь на неё. Она не виновата. У неё была хорошая учительница. Тань, зло всегда возвращается. Вот сейчас я, больная и, видимо, умирающая старуха, говорю тебе банальные вещи... Танечка, а ведь я их выучила только на собственном опыте.

Свекровь замолчала. Таня достала таблетки, взяла стакан воды, помогла больной приподняться, а когда, подав лекарство, пошла на кухню за чашкой бульона, вдогонку ей прошелестело:

— Прости меня, дочка.

Таня почувствовала, как эти тихие слова ударили её в спину, так что она запнулась. Развернулась, подошла к кровати, села рядом прямо на пол, взяла свекровь за руку и заплакала. Слёзы текли, и вместе с ними выходил яд обиды, старой, давней обиды, а на душе становилось тепло. Она плакала, а свекровь гладила её по голове своей горячей сухой ладонью.

В комнату вбежал Костик. Увидел плачущую мать — и губки задрожали, личико скривилось: ещё мгновение — и раздастся громкий рёв.

— Это что ещё за картина Репина «Не ждали»? Что тут у вас происходит? — Голос вернувшегося с работы мужа был притворно сердитым, но в нём были и тревога и страх за любимых людей.

Таня всё ещё всхлипывала, а Ирина Львовна ответила:

— Да я вот тут помирать собралась, а дочь с внуком не разрешают, говорят: рано. Придётся, видимо, поправляться.

Лёшка-тюфяк

На послушании в паломнической трапезной Оптиной пустыни пришлось мне как-то близко общаться с одной паломницей. Она приехала в монастырь на пару недель, как мы обычно говорим, потрудиться и помолиться. Хотя и была Татьяна значительно старше меня (лет около шестидесяти), но общались мы с удовольствием: приветливая, жизнерадостная, Таня была глубоко верующим человеком и чутким, деликатным собеседником.

Мы с ней сблизились, и она делилась со мной какими-то воспоминаниями, случаями из своего прошлого. Знаете, как бывает, когда случайный попутчик или сосед по краткому отпуску вдруг понравится, прильнёт душа к душе, и ты рассказываешь то, что, возможно, не стал бы рассказывать человеку из твоей постоянной, повседневной жизни...

Было лето, и мы с Таней каждый день после послушания ходили на источник святого Пафнутия Боровского, любясь оптинскими соснами-великанами. Как-то раз впереди нас шла мама с двумя малышами: один постарше, другой помладше. Разница между ними была года в два, но старший вёл младшего за руку и опекал его. Таня задумчиво наблюдала за ними, а потом, вздохнув, сказала:

— Старший-то заботливый какой. Добрый. Прямо как мой Лёшка. Лёшка-тюфяк...

— Тань, а кто такой Лёшка? И почему он тюфяк?

И Таня рассказала мне эту историю, которую я и передаю вам, изменив, по её просьбе, имена героев. Произошла эта история лет пятнадцать назад — в середине девяностых годов.

Таня жила в престижном районе, в прекрасной квартире, доставшейся ей в наследство от родителей (папа её был профессором, доктором медицины, а мама домохозяйкой). Родители умерли, и Таня осталась одна. Она не стала врачом, как мечтали её родители, но любила свою профессию ветеринара, много работала и особенно не скучала. У неё был пёсик Дик.

Семья Лёши жила в квартире напротив, и жизнь их проходила на глазах Татьяны. Папа и мама занимались бизнесом, владели фирмой. В середине девяностых такие фирмы как грибы росли. Оба высокие, спортивные, подтянутые, деловые. И жизнь у них была такая же деловая. У обоих престижные машины, оба занимаются спортом, следят за собой. Круг друзей ограничен — такие же деловые современные люди, в основном партнёры по бизнесу. Ну, те, с кем дружить полезно. В общем, девизом этой семьи были слова «карьера, бизнес, успех». Да, они действительно были успешны...

В семье росли два сына: старший Лёша и младший Дима. Дима хорошо учился, всё схватывал на лету, был спортивным, подтянутым, ловким — похожим на родителей. И по жизни шёл так же, как они: умел поладить с учителями, одноклассниками. Смекалистый, шустрый — в общем, успешный, весь в родителей.

А вот старший, Лёшка, явно портил репутацию семьи: был ни то ни сё... Учился так себе. Биологию любил, а вот по русскому языку, скажем, тройки получал, всё никак не мог с запятыми управиться. Бывало, Димка его учит: так ты спиши диктант-то у соседа! А тот только улыбается. Медлительный, неспортивный, добродушный. Да вдобавок полноват — и непонятно, как такой мог родиться у спортивных Игоря и Ирины. Дома его звали «Лёшка-тюфяк». А иногда и просто:

— Ну что ты еле двигаешься, тюфяк ты этакий!

Или:

— Сын, ну почему ты такой тюфяк-то? Ты же в жизни так ничего не добьёшься!

Не то чтобы они его не любили, но чувствовали какую-то досаду за своё неудавшееся чадо, переживали за его будущее. А Лёшка только молчит да улыбается, всё книжки читает.

Ирина иногда в разговоре с соседкой жаловалась на своего старшего, так выпадавшего из семейного стиля. Другие дети как дети: спорт, развлечения, а этот... Правда, было у него одно увлечение: он любил с животными возиться, вечно собирал каких-то бездомных и больных кошек, каких-то драных псов, птиц каких-то полудохлых.

— Тань, ну ты сама знаешь, он же тебе их всё таскает, надоел уже, наверное, смертельно! Ну так это и не увлечение, а издевательство одно над репутацией нашей семьи. Приедут в гости какие-нибудь важные люди, Дима уж не подведёт, спортивный, подтянутый, выходит из комнаты — поздоровается, улыбнётся. «Сын, ты куда?» — «На теннис, мамочка!»

Гости хвалят:

— Какой сынок у вас замечательный, на вас похож!

А тут из комнаты вываливается наш Тюфяк. Да ещё и с каким-нибудь плешивым котом в руках. У кота уши драные в зелёнке, и сам Тюфяк в зелёнке. Ни улыбнуться толком не может, ни поздороваться так приветливо, как Димка. Да ещё запнётся, как обычно, промямлит что-то — ну тюфяк тюфяком.

— И этот ваш? Родной?

Только и приходится, что краснеть за него.

А Тане, наоборот, Лёша нравился больше Димы. Он действительно часто заходил к ней с очередным питомцем под мышкой. Иногда выгуливал Дика, когда Тане было некогда. Ей нравились его доброта, открытость, простодушие. Лёшка не разбирался в «нужности» и полезности окружающих, бегал в магазин для одинокой старушки, живущей этажом выше, здоровался одинаково и с консьержкой, и с крупным бизнесменом из соседнего подъезда...

Дима, в отличие от него, со старушками и консьержками вообще не здоровался. Как почти не здоровался он и с ней, Таней, отделяваясь лёгким кивком головы. «Подумаешь, ветеринарша», — иногда читалось в его светло-серых глазах. Зато с бизнесменом он свёл короткое знакомство и даже бегал для него за свежими газетами в соседний киоск.

Таня пыталась защищать Лёшку и возражала Ирине, но та только досадливо отмахивалась:

— Доброта... В жизни нужно быть жёстким, целеустремлённым, деловым, уметь оказаться в нужное время в нужном месте! Только так можно успеха добиться! А доброта в наше время не котируется! Тебе, Таня, хорошо о доброте

рассуждать, когда у тебя папа был профессором! А мы с Игорем сами крутимся, всё своим трудом, весь бизнес...

Так и не приходили соседки к согласию, оставаясь каждая при своём мнении. Хотя отношения у них были неплохие: видимо, и деловой Ирине иногда нужен был не просто «нужный» человек, а тот, с кем можно по душам поговорить.

Годы шли, сыновья стали старшекласниками. И тут репутация семьи вновь оказалась под угрозой: к удивлению родителей, у Лёшки появилась девушка. Леночка. Маленькая, худенькая, застенчивая, одетая в обноски. Ирина всё разузнала про неё и потом жаловалась Татьяне: девочка эта была из неблагополучной семьи. Отца нет, мать то ли уборщица, то ли посудомойка — в общем, ужас тихий! Ещё младший брат больной, инвалид какой-то. Наследственность явно нездоровая, уже не говоря про маму-поломойку.

— Тань, Тюфяк-то наш влюбился! Впервые с Димочкой поссорился. Димка ему всю правду сказал: где, дескать, ты откопал себе такую невесту, на какой помойке. А Лёшка ему так твёрдо отпор дал, что я даже удивилась. Ну, думаю, хоть характер начинает у парня прорисовываться наконец, да только повод-то неподходящий! Я ему, Тань, ничего не сказала, но сейчас всё думаю, как бы от этой Леночки отделаться. А то ведь всю жизнь парню испортит! Они теперь не расстанутся. Он уж и в гости её приводил! Конечно, она посмотрела, как мы живём, теперь не отвяжется. Со свиным-то рылом да в калашный ряд!

Таня тоже познакомилась с Леночкой: Лёшка привёл её в гости. И Тане девочка понравилась: тактичная, добрая, мягкая. Одета скромно, но аккуратно. А Лёша смотрел на девушку с такой нежностью, так опекал её, что у Татьяны дрогнуло сердце. И она подумала: «Деточки вы мои, оба такие чистые, такие добрые... Как же вы будете дальше-то? Да сохрани же вас Господь от злых людей и ударов судьбы!»

После окончания школы Лёшка поступал в медицинский, сдал хорошо все экзамены, но вот русский завалил и пошёл в армию. А год спустя Димка благополучно поступил в университет на экономическую специальность. Так что и тут он оказался успешнее старшего брата.

Лёша первое время писал Тане письма, потом письма стали короче. Он очень переживал за Леночку, по его словам, она перестала писать ему. Таня расстроилась и попыталась найти Лену. Спрашивала и у Ирины, но та только отмахивалась:

— Пропала и пропала! И прекрасно! Она себе другого жениха нашла, побогаче да поуспешнее нашего Тюфяка. Я его предупреждала насчёт этой Леночки, а вот теперь пускай сам убедится.

Письма прекратились. И когда Лёшка вернулся из армии, Таня с трудом его узнала. Больше не было юношеской полноватости, он стал подтянутым, крепким, вот только на висках появилась седина. И взгляд стал другим — не было прежнего простодушного Лёшки, а был какой-то новый, чужой, пока непонятный. Как ни расспрашивала его Таня о службе, но он отмалчивался, поняла только, что пришлось Лёшке несладко. Может, заступался за кого? Может, били? Про Леночку сказал, что не дождалась, вышла замуж и больше ни слова: ни осуждения, ни жалоб. Он вообще стал немногословен. И теперь прозвище Тюфяк совсем не подходило ему.

Мало того, Лёшка начал пить, и сердце Тани болело за своего любимца. Родители отселили его на окраину города в комнату коммуналки, оставшуюся после смерти бездетной дальней родственницы. Таня потеряла его из виду и очень переживала за него. Спросила у Димы, но младший брат только и сказал:

— Тюфяк-то? Ну, он у нас теперь алкаш и, можно сказать, бомж! Где работает? То ли санитаром в морге, то ли медбратом в психушке.

Между тем жизнь в семье соседей мало-помалу перестала быть успешной. Ирина как-то резко сдала и стала выглядеть на свой возраст — пятьдесят лет с хвостиком. Видимо, это не устраивало Игоря. Не соответствовало, так сказать, семейному стилю. И он бросил стареющую жену и переехал к молодой и красивой женщине. Теперь уже с ней он занимался спортом, ездил отдыхать, и, когда шёл рука об руку по пляжу, на него по-прежнему все оборачивались, любуясь его стройной и молодой спутницей и наверняка завидуя его успеху.

Он оставил квартиру Ирине и сыновьям, но к фирме, которую они создавали вместе, бывшая жена каким-то образом больше не имела никакого отношения. Жизнь её в одночасье изменилась. Больше не с кем было ходить на теннис и в плавательный бассейн. Денег не было и на прежнюю жизнь — на те продукты, которые она привыкла покупать, на ту косметику, которой привыкла пользоваться. Мало того, на работу по специальности её не брали — кому нужна без пяти минут пенсионерка, когда молодых целая очередь. Куда-то враз пропали все бывшие друзья — «нужные» люди.

Дима, окончив институт, уже работал. Он и здесь оказался не промах — устроился на выгодное и перспективное место. Но делиться с матерью своими доходами не спешил. Он вообще перестал обращать на мать внимание и, приходя домой, закрывался в своей комнате. С отцом, в отличие от Лёшки, он общаться не перестал и регулярно навещал его и молодую жену. Сидел с ними вместе за семейным столом, обедали, весело шутили. И отец, прощаясь, обычно давал любимому сыну денег.

Ирина заболела, исхудала. Может, от переживаний, а может, давно в ней сидела эта опухоль. Её положили в онкологию, но вскоре выписали. Таня пришла навестить соседку и сразу поняла, что отпустили её домой — умирать.

Узнав о болезни матери, приехал Лёшка. Оказалось, что он действительно работает санитаром на «Скорой помощи». Ирина слегла, и Лёша стал ухаживать за матерью: стирал, убирал, готовил, делал уколы, подавал судно. Нашёл пожилую медсестру, которая приходила, когда он был на смене, и платил ей. Зашёл к Тане поздороваться, и она, увидев его какие-то потухшие глаза, тревожно спросила:

— Лёшенька, ты выпиваешь?

— Было дело, тёть Тань... Пил пару месяцев. Потом работать устроился — на «Скорую помощь». А теперь и совсем не до выпивки — я нужен маме.

Дима в уходе за матерью не участвовал: брезговал. В комнату к ней почти не заходил и демонстративно прыскал в коридоре у её двери дезодорантом. У него появилась девушка с ростом и фигурой модели и высоким капризным голосом. Знакомиться с Ириной она не стала, появляясь у Димы, сразу же проходила его в комнату, громко включала музыку.

Таня заходила к Ирине, иногда оставалась подежурить у больной, когда Лёша уходил на смену, а медсестры по какой-то причине не было или она опаздывала. Как-то Татьяне пришлось остаться с Ириной в очередной раз. Лёша торопился на смену, и Таня с удивлением отметила его ожившие глаза. Он выглядел странным, очень взволнованным. На её тревожный вопросительный взгляд ответил:

— Потом, потом, тёть Тань, — опаздываю!

Когда он убежал, перепрыгивая по-мальчишески через несколько ступенек, Таня под села к Ирине, и та, кусая губы и с трудом сдерживая слёзы, рассказала о том, как это она сама своими руками разлучила влюблённых, прибегнув к обману. Леночка совсем и не вышла замуж, её мама поменяла квартиру на другую, меньшей площади, в отдалённом районе, чтобы заплатить за лечение Леночкиного брата.

Лёшку как раз должны были перевести на новое место службы, и девушка очень боялась, что с новыми адресами они потеряются. Пришла к Ирине.

И та пустила в ход всё своё красноречие. Убедила девчущку, что Лёша её больше не любит и собирается жениться на другой девушке, богатой и образованной, с которой, по легенде Ирины, он познакомился во время увольнения. А ей, Лене, всё никак не может решиться написать об этом, потому что жалеет.

— Понимаешь, Тань, я ей сказала: «Если ты его любишь, то должна отпустить и не надоедать письмами, не мешать его счастью!» Она помолчала, а потом так головой кивнула и ушла. Я смотрю ей вслед, на её спинку тоненькую, голову опущенную — и так мне её жалко! Но думаю: я мать, я должна сына защитить. Не пара она Лёшке, не пара! И так тюфяк, а с ней совсем пропадёт!

А от чего я его защищала-то?! Я теперь понимаю, Таня, что она его правда любила... Потому что его счастье для неё было важнее собственных страданий. Вот, Тань, что я сделала. Своими руками. Танечка, ну почему я поняла это только сейчас?

Где он, этот успех, за которым я гналась всю свою жизнь? Это же мираж, Танечка! Мираж... Пустыня и верблюды... И Игорь сейчас где-то там — в пустыне, за миражами гоняется... Я и Димку учила быть таким, каким он стал. Думаешь, я его осуждаю за то, что ко мне не заходит? Что перед отцовским кошельком заискивает? Нет... Ведь это я его таким воспитала! За что же мне его теперь осуждать... Что воспитала — то и получила... Слава Богу, что Лёшка вырос другим! А сколько я его ругала, сколько ворчала... Тюфяком звала... Как мне больно, Таня!

— Сейчас, Ирина, сейчас — укол сделаю...

— Нет, Танечка, это моя душа болит. Я теперь знаю, как она болит... Я сегодня всё рассказала Лёше. Призналась, что обманула и его и Леночку. Думаю теперь: не простит мне сынок этого, не простит. Бросит он меня после моих признаний. Ведь я своими руками его любовь разрушила... Ну что ж, думаю, если не простит, значит, так тому и быть. Заслужила я это наказание. Танечка, я так боюсь: Лёшка, он не вернётся.

Ирина заплакала. И долго ещё сидела Таня у её постели, долго говорили они, пока после укола обессиленная больная не задремала, откинувшись на подушки. Пришла сиделка. Объяснила, что опоздала из-за болезни мужа. И завтра ей тоже нужно уйти пораньше, не сможет она дожидаться Алексея. Таня обещала прийти с утра, подежурить до прихода Лёши.

Ночью спала плохо. Переживала: сможет ли Лёшка простить, вернётся ли вообще, не бросит ли мать на произвол судьбы. Утром наспех умылась, есть не хотелось: аппетита никакого не было. Взяла с собой книгу — почитать больной, чтобы отвлечь её как-то от переживаний. Дверь в соседскую квартиру была открыта, Таня вошла и замерла в коридоре: Лёшка был уже дома — видимо, зашёл как раз перед ней. Она затаила дыхание и стала молиться про себя, прислушиваясь.

Ирина плакала:

— Прости меня, сыночек, пожалуйста! Может, ты сможешь меня простить? Если не сможешь — я тебя пойму... Но, может, ты всё-таки сможешь? Ну пожалуйста! Я сделала так много ошибок в своей жизни — теперь я это понимаю... Я высмеивала твою мягкость, я тебя Тюфяком звала постоянно... Попыталась научить тебя быть жёстким, напористым. Думала, что иначе ты пропадёшь в этой жизни... И никогда не добьёшься успеха... Я Леночку обманула. А она страдала. И ты страдал. Но я хотела как лучше... Я — твоя мама... И я всегда любила тебя и всегда буду любить. Всегда буду любить тебя,

сыночек! Ты молчишь? Наверное, ты не простишь... Я заслужила это твоё молчание. Ты иди, сыночек, иди, ничего, я понимаю, что такое не прощается.

Повисла тишина. И Таня напряглась в ожидании — сейчас Лёшка выйдет из комнаты и уйдёт. Уйдёт навсегда и оставит мать одну. Таня прижала руки к горящим щекам и вдруг услышала:

— Мам, ну что ты?! Куда я пойду?! Я тебя никогда не брошу! Знаешь, я всегда знал, что ты любишь меня. Но иногда, иногда мне казалось — что я не заслуживаю твоей любви, что я недостаточно хорош для того, чтобы меня любили... Я прогонял эти мысли... Я знал, что на самом деле ты любишь меня... Но хорошо, что ты сказала мне об этом сама! Мам... Мамочка! Я так долго ждал от тебя этих слов!

Наступило молчание. Таня почувствовала, что ноги плохо держат её, и тихонько сползла по стенке коридора. Потом почувствовала, как поднимают её крепкие руки Лёшки, и обнаружила себя в кресле рядом с кроватью Ирины.

— Тётъ Тань, милая моя, ну что с тобой?! Сейчас я тебе корвалола накапаю! Не нужно корвалола? А почему ты плачешь? От радости?! Да, у нас с мамой сегодня радость! Праздник у нас сегодня! И — знаешь, тётъ Тань, сегодня я привезу к нам Леночку — помнишь Леночку? Я её нашёл ночью, вся «Скорая помощь» мне помогала! По телефону час говорили! Поможешь мне, тётъ Тань, стол накрыть, ладно?

Таня закончила свою историю и, не удержавшись, всхлипнула. Я тоже с трудом сдерживала слёзы.

— Танечка, а сейчас ты с Лёшкой и Леночкой общаешься?

— Так как же не общаться-то — они меня сюда и привёзли на своей машине. Вот приедут в Оптину на выходные — я тебя и познакомлю с ними. Двое сынишек у них растут. Да... За пятнадцать лет много воды утекло... Только Лёшка теперь уже не Лёшка, а Алексей Игоревич — уважаемый врач, хирург.

Содержание

От автора.....	3
И Промысл Божий не обижает никого.....	5
Поездка к отцу.....	29
Сорок минут.....	83
Превентивный удар.....	92
Лёшка-Тюфяк.....	113
Живый в помощи Вышняго.....	134
Злая Даниловна.....	144
Возвращение домой.....	159
История, случившаяся на Пасху.....	173
Узкий поясок.....	187
Старица схимонахиня Мария (Стецкая).....	200
Странник Божий.....	233
Время отдавать долги.....	253
Время на покаяние.....	274
Молитва Веры.....	283
Радости Надежды.....	305
Самая лучшая политика.....	325
Звонок по сотовому телефону.....	338
Права человека.....	343
Любовь к жизни.....	350
Немного о котах.....	363
Хитрюга-Малыш.....	374